

№ 8`

Апрель 1999 Г.

Пушкин – это наше всё.

Ф. Достоевский

УХТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ

1999 г. – 200-летие А. С. Пушкина

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

А.С. Пушкин

НЕ ПРОДАЕТСЯ ВДОХНОВЕНИЕ, НО МОЖНО РУКОПИСЬ ПРОДАТЬ

Уважаемый читатель!

Вы открываете журнал откровений под интригующим названием “Вокруг и около литературы”.

Здесь почти полный набор, что называется, страстей человеческих: драмы, трагедии, фарсы, таинственность, примитивная обывательщина, хэппи-энды, исповеди в чистом виде, любовный треугольник: писатель – редактор – читатель. Все в одной области, близкой нашему сердцу, – литературной, и с одной особенностью – в изложении ухтинских авторов.

Ибо житейские размышления, разные случаи и истории, поведенные ухтинскими писателями, имена которых на слуху по крайней мере не только в Ухте, оказались под этой обложкой не случайно.

Перед вами произведения, по тематике не о любви, не о природе, а о творческом процессе в литературе, родившиеся на ухтинской земле. Произведения объединены общим интеллектуальным пространством: Пушкин и Муза, Пушкин и Лира, Пушкин и Жизнь, ибо мы так впитали в кровь, так с младенчества воспитаны, что не отождествляем одно от другого, потому что основой общества всегда является система ценностей, на которых держится личность. И в эти ценности входит прежде всего знаменитый поэт.

По этому уникальному собранию произведений читатель увидит, насколько наш ухтинский писатель, преломивший свою судьбу через творческий процесс, через пушкинское откровение “Не продается вдохновение, но можно рукопись продать”, с самим Александром Сергеевичем на короткой и дружеской ноге, и может ли он сказать ему: “Ну что, брат Пушкин...”

Алексей МИЛЬКОВ

Уважаемый читатель!

Когда-то, поминая Гоголя, Ф. Достоевский произнес знаменитую фразу: “Все мы вышли из гоголевской “Шинели”. Великий писатель имел в виду, конечно, прозу. По аналогии можно было бы сказать, что вся русская поэзия, хотя и достигла за многие годы известных высот, вышла из крылатки Пушкина, верхней одежды в виде широкого плаща с пелериной, в которой на многих картинах он стоит на дуэли. В сознание многих поколений внедряли идеологические догматы, что великий поэт был чуть ли не революционером. Но это далеко не так. Свобода творчества – вот бог, которому поклонялся, служил и молился Александр Сергеевич всю свою недолгую жизнь: “Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...”, “Ты сам свой высший суд...”

С молодых ногтей мы впитывали язык Пушкина, и это становилось частью нашей личности, а в целом важной составляющей нашего национального характера, хотели бы мы этого или не хотели.

Мы мучительно и долго ищем национальную идею.

По-моему, она перед нами – это бессмертная фигура лучшего нашего поэта.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

Николай ВОЛОДАРСКИЙ

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Он гений!
 Не смущают его годы
 и молодо звенит его строка.
 В него стрелял Дантес –
 “великосветский шкода”,
 поручик лейбгвардейского полка.

Он выстрелил в поэта
 нам на горе,
 и той печали не видать конца.
 Царь думал, что покончил с непокорным
 пиитом.
 Но, увы, ошибся царь.
 Стихи поэта набирали силу
 и трудно стало с ними воевать.
 Уже тогда
 их знала вся Россия,
 умеющая по слогам читать.

Потом для них
 настанет жизнь другая,
 но ждать ее и ждать –
 не год, не два...
 Звучали, как набат,
 царей пугая,
 его вольнолюбивые слова.

Не прекращалось его горенье,
 не угасал огонь в его глазах.
 Он совесть наша,
 он наш современник,
 сегодняшний он.
 Так бы я сказал.

ПОЭТ

Опаленный славой и ветрами,
 Он не умирал и не умрет.

Вижу,
 как широкими шагами
 К бронзовому Пушкину идет.

Есть в запасе вечность.
 До рассвета
 Можно балагурить, горячась –
 О любви,
 о ямбах,
 о поэтах,
 О житейских разных мелочах.

Вижу – на подмостках.
 И, конечно,
 Зал свирепствует
 и рукоплещет зал.
 Так поэт
 судьбу свою
 навечно
 С классом атакующим связал.

Наплевать ему на кривотолки,
 Пусть эстеты журят и корят...
 “Слушайте,
 товарищи потомки,
 агитатора,
 горлана-главаря...”

Каждый слог,
 дыханье
 строчек этих
 Не познают тления
 вовек.
 По республике,
 по всей планете
 Ходит знаменитый человек,

Полоненный
 творческим волнением,
 Презирая комнатный покой.
 Вот таким люблю его.
 Такой

Он живет
 в моем воображеньи.

* * *

Нет, не то... Созвучие не это...
 А возможно,
 я к себе излишне строг.
 Есть же плодovитые поэты –
 пишут в день по сто,
 по двести строк.
 Позавидуешь такому дару,
 у меня такого дара нет.

– Скучных строк не надо нам
 и даром,
 дело не в количестве, поэт. –
 Так сказал недремлющий читатель.

И еще добавил:

– Не всегда
длинные столбцы есть показатель
шибко вдохновенного труда.
Не завидуй, друг мой,
строчкономам,
бейся над строкой
и день, и пять.
Мы, читатели, народ не гордый:
если надо, можем подождать.

* * *

Сколько раз обыватель слюнявый
мои косточки перемывал!
Улыбаясь и жмурясь от счастья,
он пророчил мне даже смерть.

Презирая его предсказания,
я в тридцатых еще годах
шел навстречу кулацкой пуле
и, однако же, уцелел.

Но не сдался пророк дремучий,
он и нынче, не зная стыда,
ради пакости или забавы
продолжает чесать язык.

– Чтой-то наш пиит не веселый,
чтой-то кисло, видать, ему...
и, хлебнувши вина, заключает:
– Исписался. И весь тут сказ.

Недосуг мне выслушивать бредни,
надоел мне слюнявый болтун.
Я пришел в этот мир работать,
делать людям не зло, а добро.

Не печалюсь, что скоро осень...
Возвращаясь с прогулки домой,
я несу с собой веточку кедра
и для песен – охапку строк.

ЛУЧШИЙ СТИХ

Время мчится.

Но мы не ослабли

Памятью.

Сердца набат

не утих.

Как сегодня

вижу –

Маяковский в Ярославле

Читает

свой “Лучший стих”.

Его ли голос

в галерке утонет?

И гаркнул...

громче

иерихонских хайл:

– Товарищи!

рабочими

и войсками Кантона

Взят Шанхай!

И взрыв оваций.

Гремящая стая

Невидимых птиц

рванулась

в полет.

Советские люди

рукоплескали Китаю,

Поднявшему штык

на своих господ.

Нет, эти страницы

не будут забыты. –

Вставал рассвет

над Китайской стеной.

И Маяковский,

большой,

как событие

У рампы

с поднятой головой.

Таким он

в будни мои

врастает.

И Ярославль

его помнит таким.

Время мчится.

В свободном Китае

Уже взошли

коммунизма ростки.

Там

русскую книгу

знают и любят.

Ведь

наших сердец

перестук

не утих.

На родном языке

в рабочем клубе

Китаец

читает

“Лучший стих”.

И люди слушают,

и рукоплещут.

И Маяковский

встает

сквозь года.

А мы говорим:

это дружба

навечно.

Ее не порвать.

Никому.

Никогда.

Я НЕ ЗАБУДУ ДОМ У МОРЯ

Я не забуду дом у моря,

где некогда Волошин жил.

Мы поднимались по ступенькам

в загадочную тишину.

Профессор, давний друг поэта,

заворожил нас

с первых слов. –

Он показал нам акварели

Волошина

и говорил
 об этих маленьких шедеврах,
 которым нынче нет цены...
 Но вот уже звучат стихи,
 стихи Волошина.
 На память
 по-молодому, на распев
 читает их вдова поэта.
 Я слушаю и в горле – ком.
 С годами, никуда не деться,
 совсем сентиментальным стал,
 расклеился.
 Вдова поэта
 стихи читает наизусть.
 Такое вряд ли часто встретишь...

Как дьявольски обидно мне.

* * *

Еще стихотворенье не родилось,
 еще оно не обрело ни смысла,
 ни рифмы, ни звучанья, ни лица,
 а ты, поэт, уже не спишь ночами.
 И днем ты не находишь себе места –
 Поблек, осунулся, стал нелюдим.

Но наступает миг, и в сладкой муке,
 Один лишь Бог тому живой свидетель,
 рождается твое стихотворенье.
 И вскоре, не робея, заявляет:
 – Прошу прощенья, в комнате мне тесно,
 пойду по свету малость поброжу.

А ты, поэт, опять в плену тревоги:
 не дерзко ли звучат такие речи?
 Надолго хватит ли такой запал?
 Тревожся, не тревожся – бесполезно,
 какой резон? Дитя твое вне дома,
 и у него теперь своя судьба...

А ты свое: ребенок есть ребенок,
 как только чуть шагнул он за порог,
 боишься, чтоб не грохнулся на камни,
 чтоб хам какой-нибудь его не сшиб.
 Я много вынылчил стихотворений,
 а вот поди – за всех болит душа.

Здоровы ли? С кем водят они дружбу?
 Бездельники они или трудяги?
 И так и сяк прикинешь, так и сяк.
 Не надо мне ни славы, ни богатства,
 одно желанье – пусть живут подольше
 мои стихи. На радость добрым людям.

* * *

Есть на свете не мало профессий,
 но поверьте на слово, друзья,
 легче стать, пожалуй, профессором,
 чем таким работягой, как я.
 Есть в работе моей особенное –
 будь то лето или зима,
 без прорабов и без подсобников

строю светлые я дома.

Никакой тебе механизации,
 все тащу на своем горбу:
 рифмы, образы, аллитерации.
 И не сетую на судьбу.
 По две смены и по три смены
 не снимаю робы с плеча.
 Вырастают фундамент и стены
 из невидимого кирпича.
 До чердачного перекрытия
 остается подать рукой.

Каждый дом
 должен быть открытием,
 а не смахивать на другой.
 Это трудно, но тем интересней.
 Чем другим бы душа жила?
 Говорят, что в иных моих песнях
 не хватает еще тепла.
 Не хватает еще волнения,
 пульс эпохи слышен едва...
 Я выслушиваю с уважением
 своевременные слова.

И опять за работу.

Точку
 рано ставить, не вышел срок.
 И рождается строчка за строчкой,
 поднимается городок.
 Пусть еще недоделок уйма,
 вижу, знаю, сам назову.
 Ну, так я ведь еще не умер,
 а живу.

* * *

Почему мне не воспеть любовь?
 Я любил ведь... В чем тогда причина?
 Ринусь-ка в словесную пучину,
 все же спрятан где-то жемчуг слов.
 Поздний час, но отступает сон,
 на столе бумага и чернила.
 Муза невзначай меня спросила:
 – Ну, а ты, затворник, сам влюблен?
 Так же ли, как прежде, горяча
 кровь твоя?
 Не чувствую пыланья...

– Теплятся во мне воспоминанья.
 И довольно. –
 Так я отвечал.

Баянист умолкнул вдалеке,
 воцарилось на земле затишье.
 И вставали в ряд четверостишья,
 прочно сбитые – строка к строке.

В общем, набралось немало строк.
 Но сие нелегкое занятие
 вдруг прервал давнишний мой приятель,
 заглянув ко мне на огонек.

Что стряслось? Что приключилось с ним?

– Забежал, – сказал он, – со свиданья.
Я влюбился в милое созданье.
Я воскрес!
Я счастлив!
Я любим!

Он готов был сто ночей и дней
говорить о ней, о ней, о ней.
Именно он о такой и думал,
о такой не переставал мечтать...

Я смотрел в тетрадь свою угрюмо,
не решаясь гостю почитать.
Шла на убыль ночь. И петухи
возвещали утра наступленья.
И тогда, без капли сожаленья,
я перечеркнул свои стихи.

* * *

Солнце заходит, а завтра в зените.
Звезды гаснут и снова горят.
Время летит... Вы меня извините,
если на праздниках я скучноват.

Музыка, танцы, счастливые лица,
только мои приуныли глаза.
В чем преуспел я, чтоб веселиться?
Нечем пока похвастать, друзья.

Пьется вино без особой охоты,
мысли мои, увы, далеки...
Лучший мой праздник – это работа,
поиски слова, рожденье строки.

* * *

Песня складывалась не скоро.
И пока я ее сочинял,
мой вчерашний осенний город
за ночь белою сказкою стал.
Я любитель волшебных сказок, –
все березы и тополя
превратились в хрустальные вазы
и в бокалы из хрустала.

* * *

Не бросайте слова на ветер
не подумавши, наобум.
Мы за слово с вами в ответе,
за рожденье его и судьбу.
Оно может ранить до крови...
Я стою неизменно на том,
чтоб о сказанном нами слове
не пришлось пожалеть потом.

* * *

Когда умирает звезда,
проходят тысячи лет,
синий роняет свет,
все же горит звезда.

Когда умирает поэт,
а тайная сила певца
волнует людей сердца –
вечно живет поэт.

ПЮРИКУ ИВНЕВУ

Нас четверть века разделяет,
настолько я моложе вас.
И радует и удивляет
сиянье ваших синих глаз!

Пусть сердце ваше продолжает
слагать завидные стихи.
Тот будет и смешон, и жалок,
кто вас зачислит в старики.

Нам весело и без спиртного,
но чай дымится на столе.
А вам, смотрю, не так уж много,
каких-то восемьдесят лет.

Нет, на богатство вы не падки,
так и не нажили добра,
зато в стихах у вас в достатке
и золота, и серебра.

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

По себе сужу. Стихи сложить
не легко – тяжелая работа.
Как вот, скажем, море уместить
на листке обычного блокнота?

А людей! На жарком берегу
их не счесть. И снова огорченье. –
Всех при всем желаньи, не могу
уместить в квадрат стихотворенья.

Я в раздумье битых два часа,
и боюсь – терпения не хватит. –
Умещаю горы и леса
вот на этом самом же квадрате.

А они не лезут как назло.
Да и небо для стиха годится.
Ладно уж, хоть облачко смогло б
где-то между строчек приютиться

* * *

Историки литературы
вспомнят еще обо мне.
Я был знаменитым поэтом
в провинциальной тюрьме.

С лица моего и поныне
не сходит смертельный мел.
В известную страшную пору
и я за решеткой сидел.

И там, притворяясь спящим,
стихи свои сочинял.
Но в самые мрачные строки
я ниточки света вплетал.

И каждый в тех строчках правдивых,
рожденных, увы, не в раю,
угадывал хоть немного
печаль и надежду свою.

Я в камере многолюдной
играл не последнюю роль,
но счастлив, что все это в прошлом –
и слава моя, и боль.

НАМ ПОМНИТСЯ

Памяти Виктора Савина

Нам помнится террор тех лет
(ведь он не обошел и парму).
А вот смотри, людская память
не предала тебя, поэт.

И слышатся твои шаги
и песни, близкие до боли.
Вины не зная за собою,
в неволе мрачной ты погиб.

А кто-то думал, кто-то думал,
что безвозвратно ты исчез.
Когда великий кормчий умер,
ты к нам вернулся.
Ты воскрес!

* * *

О, сколько у меня испытанных друзей!
Еще с далеких юношеских дней
та дружба.
И я смею утверждать:
никто ее не в силах разорвать.
Веселые и мудрые друзья!
Без вас никак мне обойтись нельзя.
Я многому у них разумному учусь,
и плачу с ними,
и до слез смеюсь,
и спорю с ними.
В комнате моей
всегда я в окружении друзей.
Тут и Есенин,
и Гомер-старик...
Но всех не перечесть
бессмертных книг.

В КОНСТАНТИНОВО

Все случается, все возможно

наяву, а не только во сне.
И машина бежит тревожно
по рязанской
знакомой земле.

Я узнал ее с ходу, сразу.
И не зря по ней часто скучал.
Я припомнил ее,
хоть ни разу
на рязанской земле не бывал.

Вот и едут,
идут к поэту,
и не виден потоку край.
По стихам его и поэмам
угадал я рязанский край.

* * *

Я мечтаю об этом
и ночью и днем –
я хочу, чтоб мы были
только втроем!

Никогда я не лгал
и сейчас не солгу.
Никого, как тебя,
полюбить не смогу.

Ты нужна мне, как солнце
и как весна.
Но хочу, чтобы с нами
была и она.

Я любовь к ней
в сердце своем сохранил,
без нее все равно
свет не будет мне мил.

Без нее, ты прости,
опустеет наш дом.
Я хочу, чтоб мы были
только втроем.

На лыжне, на волне,
за бокалом вина
я хочу, чтобы всюду
была и она.

Припадая к твоим
молодым губам,
она будет со мной,
я ее не предаю.

Это я о поэзии
и о тебе,
о возможной нашей
счастливой судьбе.

Анатолий ПАШНЕВ

* * *

Стихи приходят не словами,
Когда струятся под пером.
Они рождаются над вами
В порыве чувств предгрозовом.

Глотнешь из той небесной фляги
И кровь становится вином.
А стол, чернила, лист бумаги –
Все ремесло – уже потом.

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ

* * *

Стихи поэта,
Судьба поэта,
Жизнь поэта,
Как мало в этом музыки и света.
В судьбе, быть может, проблески бывают,
Судьбе значенье разве придают?
Стихи то издают, да не читают,
Когда читают, то не издают.
А жизнь, что не стихи,
Так – это прочее...
Поэт один на кухне курит ночью.
И снова ставит,
Ставит многоточие.
А хочется поставить точку.

Ни удачи и ни денег,
Я на них махнул рукой.
Далеко надежный берег,
А пловец я – никакой.
Все равно живу беспечно,
Хоть морщинки возле глаз.
У меня внутри – сердечко,
Вы поверьте, как у вас,
От рассвета до рассвета,
Как от вздоха и до вздоха.
От поэта до поэта:
То страничка, то эпоха.
Смысл есть явный,
Есть и тайный.
В смысл вникать всегда опасно.
Жизнь становится печальной,
Потому – что Жизнь прекрасна!

Давай нальем вина,
Сегодня воскресенье,
Печаль моя, жена,
Ты рядом, ты спасенье.
Чтоб душу беребя,
Не впасть в стихотворенье,
Где часто нет тебя,
А ты мое спасенье.
Где сумрак, а не свет,
В котором я плутаю.
Где чей-то легкий след,
Куда ведет, не знаю...
Где искус, а где суть,
А исповедь невнятна,
Неверен этот путь,
Но нет пути обратно.
Где Вечная Река
Течет ленивой думой,

И машет с далека
 Рукой Харон угрюмый.
 Давай нальем вина,
 Спасаясь не однажды.
 Печаль моя, жена,
 Не утолить мне жажды.

Скажи мне, женщина моя,
 Однажды на рассвете,
 Что мы живем с тобой не зря,
 Что есть стихи и дети.
 Я не такой большой поэт,
 Стихи мои, как эхо.
 А дети выросли и нет
 В жилище нашем смеха.
 Есть в доме хлеб,
 Есть в доме соль,
 Вино порой найдется.
 Так почему же в сердце боль,
 Как птица в клетке бьется?
 Своей судьбе я не судья,
 Не сетую в ненастье.
 Скажи мне, женщина моя,
 Ну, что-нибудь... о счастье.

ОСЕННИМ СВЕТОМ

Осеннего осинника озноб,
 Вороны хрипнут на ветру студеном.
 Прозрачность просек,
 Путаница троп...
 Душа моя,
 Зачем о невеселом?
 Ходить с корзиной,
 Рябчиков пугать.
 Под елками брусника переспела.
 Я мог тебе такое рассказать,
 Пока ты, как осинник не сгорела!
 Без восклицаний
 Осень хороша,
 Ни увяданьем не страшит, ни тленьем.
 Осенним светом полнится душа,
 Последним, может быть, стихотвореньем.

День окончен, свернула дорога
 За лохматые ели тайком.
 Ночь невидимой поступью Бога
 Гасит окна зеленым сукном.
 Снова сон поборола тревога,
 Снова сумрак звезду победил.
 Вспомни Тютчева, Бунина, Блока.
 Слишком многое ты позабыл.
 Слишком долго был ленивым и сонным,
 Ни поэт, ни пророк, ни судья...

Опять зима в краю моем,
 Холодные мерцают тени,

Где можжевельным кустом
 Я был какое-то мгновенье.
 И потому сбывались сны,
 Что был я молодым когда-то,
 Где гроздь рябины горьковата,
 Как губы молодой жены.
 Мой лес продрог
 И я продрог,
 Где чьи-то пилы пилят, пилят...
 Моих запутанных дорог,
 Они, пожалуй, не осияют.
 Я посижу на свежем пне,
 Я буду думать о стареньке
 И молодой своей жене
 Вновь посвящу стихотворенья.

Зима обманывает лето,
 Дела сердечные плохи.
 Пиши – пропало, песня спета,
 Хотел бы в рай, да есть грехи.
 Сосед играет на гармошке,
 Эх, люди весело живут.
 Свет не горит в твоём окошке,
 А значит, там меня не ждут.
 И там не ждут,
 И здесь не нужен,
 Четыре стенки, тишина...
 И поделить мне не с кем ужин,
 Да стопку горького вина.
 Но ничего, дождусь весны я,
 Пойду по городу гулять,
 И будут люди мне простые
 Здоровья доброго желать...
 Зима обманывает лето,
 Дела сердечные плохи.
 Как грустно в жизни быть поэтом,
 Писать несносные стихи.

Простите поэта
 За искус, за бред.
 Простите поэта,
 За то, что поэт.
 За тонкую кожу,
 За грубый глагол,
 За то, что, быть может,
 Никто не прочел.
 За облако света,
 За дождь и за снег.
 Простите поэта –
 Больной человек...

Наши стихи никому не помогут,
 Разве мы выбрали сами дорогу?
 Мы бы сидели в тепле и уюте,
 Мы бы мечтали о сладкой минуте.
 Нежились мы на лиловом диване,
 Счастливы были в любви и обмане.
 Что же,

Не мучайся, скоро в дорогу.
 Наши стихи никому не помогут.

В этой глуши
 Не умереть от лени.
 Дни хороши,
 Искренни,
 Предвесенни.
 Выше душой
 Буду хотя б на мгновенье.
 Ветер ночной
 Просится в стихотворенье.

Ни стихов и ни известий,
 Слова некому сказать.
 Жизнь, что топчется на месте
 Трудно жизнью называть.
 Вспоминать мне то, что было?
 Ненавидеть то, что есть?
 Ртуть в термометре застыла:
 Ровно – минус тридцать шесть.

С голубики поставим вино,
 А с черники наварим варенье.
 Мне от леса немало дано,
 Я черпаю в лесу вдохновенье.

Рад я ельнику, березняку,
 Мне в лесу как-то проще живется.
 Поклонюсь я любому грибку,
 Здравствуй, милое сердцу, болотце.

Говорят: “Ты ружьишко бери...”
 Я беру карандаш и тетрадки.
 Пусть токуют себе глухари,
 Пусть летают себе куропатки.

На улице от снега
 И в темень не темно.
 Экзотика для негров,
 А нам-то все равно.
 На улице – собаки,
 Прохожий, берегись!
 На улице – бродяги,
 У них собачья жизнь.
 На улице встречают
 Нечаянно судьбу.
 На улице, скучая,
 Городят городьбу...
 На улице, на этой,
 Где снег идет шурша,
 Хотела быть поэтом
 Наивная душа.
 На улице от снега
 Уж не видать ни зги.
 Фонарь лишь да аптека
 Из блоковской строки...

Что с нами?
 Как слепые и глухие
 Мы терпим зло,
 Мы радуемся лжи.
 Прости, Россия,
 За стихи плохие,
 За сон ума,
 За сумерки души.

Может быть, души старенье
 Или так, в груди шумы –
 Краткое стихотворенье
 Затянувшейся зимы.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

Есть кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
 Растет нерусская там трава,
 и на могилы из суеты
 нерусские приносят цветы.
 Под вечер нерусская тишина
 нисходит на русские имена
 всех тех, кого уложила судьба
 на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
 В могилах, ветхих, как праотцы,
 лежат изгой и беглецы.
 Одних не приняли – и беги.
 Других не приняли – во враги.
 Забыла про Сент-Женевьев-де-Буа
 Россия, жестокая, как вдова,
 которая не прощает измен
 и отвечает забвеньем взамен.

И будь всемирно ты знаменит,
а все ж тебе не положен гранит.
На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа
у всех одинаковые права.
Лежат там дружно, как с братом брат,
помещик и сталинский лауреат.
Оттуда изгнан, сюда не зван
Некрасов Виктор и Бунин Иван.

* * *

Бригантина поднимает паруса.

П. Коган

Им всегда будет двадцать.
Им дано и во сне
не к жене прижиматься –
к земле и броне.
Их немногие строки
только стали слышны,
и недолгие сроки
им даны от войны.
За себя нет опаски, –
только, чтобы не срам.
В них недавний испанский
лозунг "но пасаран".¹
Их отвага и совесть
небывалый редут:
ни фашисты, ни подлость
никогда не пройдут.
Косят их пулеметы,
давят танками их.
Но сильнее этих мертвых
нет на свете живых.
Смотрят прямо и строго
их глаза как с икон...
За тебя, Павел Коган
поднимаю стакан.
За высокую ярость
честно прожитых дней.
За не сдавшийся парус
бригантин твоих.

* * *

31 июля 1944 г. военный летчик писатель Антуан де Сент-Экзюпери не вернулся из полета.

Земной объявши шар,
печально и легко
плывет его душа
в долинах облаков.
И для его друзей,
и для его врагов –
одна
на всех людей
плывет его любовь.
И пусть разобщены –
одна,

как свет зари.
Он не любил войны,
майор Экзюпери.

* * *

Долги производить умеюч,
всем должен Александр Сергеич.
Партнерам – не удалить тальи²,
царю, отечеству, Наталье,
издателям, мама, папа,
друзьям, любовницам, попам,
собратьям по перу и пиру,
жандармам, ямщикам, трактирам,
лакеям дома и двора,
эт цетера, эт цетера³...
Великий бард от всех зависим.
И жаждут рифм, червонцев, писем,
любви, раскаянья, вниманья,
острот, идей, огня в тумане,
свиданья, стишков в альбом,
рогов над африканским лбом,
почтения к чинам, короне,
холеру в бок и просто крови,
смиренья ярого пера,
эт цетера, эт цетера.
Не знают кредиторы гения
ни снисхожденья, ни забвенья.
Свинцовые их векселя
жизнь сокращают до нуля.
И лишь ему никто не должен,
и он до сорока не дожил.

* * *

Не хвастай, время, властью надо мной.

В. Шекспир. Сонет.

От мировых светил в сторонке
поэт рождается во мраке.
Пока марает он пленки
и не марает он бумаги.
Но явлена Господня милость,
дана невиданная сила.
Тогда пред ним звезда явилась
и до конца ему светила.
Ломались хлипкие подмости,
несло толпу девятым валом,
секло дождем, бил ветер хлесткий,
Так ничего не миновало:
Болезнь, безденежье, похмелье,
монарший гнев, людские козни...
Казалось: кончилось уменье,
есть пустота одна лишь возле.
Но нет: сквозь сумрак глаз опухших
звезда пронзительно глядела,
небесный глас врывался в уши,
и снова продолжалось дело.
Звезда погаснет – станет пусто.
Покуда ж суждено гореть ей,
не прекращается искусство,

¹ "Не пройдут" – лозунг испанских республиканцев во время гражданской войны 1936 – 39 гг.

² ТАЛЬИ – карточный термин

³ и так далее (лат.)

и начинается бессмертье.

БАЛЬЗАК

Писать вот так: блистательно, божественно,
чтоб обожая и кляня,
собратья, кредиторы, женщины,
преследовали бы меня.
Иной талант подобен катастрофе,
самосожженья требуя взамен,
Но есть рецепт: сто тысяч чашек кофе,
э вуаля ля комеди дюмен⁴.
А я пишу невнятно и понуро,
ссылаясь на иные времена.
Так чем же ты жива, литература?
Сто тысяч чашек крови – вот цена.

ГЛОРИЯ МУНДИ⁵

*ЦПКиО им. Горького – центральный парк
культуры и отдыха в Москве.*

Большой был Горький мастер отдыхать,
живал на Капри.
А нам всю жизнь приходится пахать,
а отдых – капли.
И в области культуры был велик
(смотри наследство).
Матерый был как целый материк.
А мы – из детства.
Отменно обессмертили его
заслуги эти.
Увековечен он в ЦПКиО,
а нам – не светит.

* * *

Переводчик, где ты ходишь,
что ты нынче переводишь?
Может, денежки на рынке,
может, детские картинки?
Может, дело на безделье,
может, трезвость на похмелье,
может, попусту бумагу?
Безъязыкого беднягу
(беззащитному беда!)
перводишь не туда?
Безъязыкий, как незрячий.
Только слово бьется в плаче,
ходят толпами калеки –
им отпущен жизни час...
Переводчик, переводчик!
Не забудь: ты перевозчик,
Перевозчик через реки,
разделяющие нас.

* * *

Когда стихи заводят в переплет,
или грозит иная заварушка,

тебя в деревню государь сошлет,
где существуют речка, няня, кружка.
Где так снега сияюще чисты,
соседок милых ласковые взгляды,
служенье муз идет без суеты,
а больше ничего тебе не надо.
Как хорошо вдали от мятежа
смотреть в глуши забытого селенья,
как льется воздух на мороз, дрожа,
и саламандра пляшет на поленьях.

* * *

Стихи не пишутся – случаются.

А. Вознесенский.

Вдруг сотворится
случайно что-то.
Как говорится,
что за работа?
В ответ на это
хоть и не хают,
аплодисменты
не возникают.
Совсем не явен
синдром успеха.
Нет места славе,
но все ж есть эхо.
Пускай не шибко,
пускай немного:
полуулыбка,
полутревога.
Рожденье мысли,
движение чувства.
Пускай не выси,
но и не пусто.
Не всеуе вовсе.
Вот и не сгинем!
А слава, Бог с ней...
Пусть спит с другими.

* * *

Давным-давно, сливаясь с общей массой,
писал стишки я, явно графоманские,
в которых прямо выражал, как мог,
любовь к отчизне и клеймил порок.
И утверждал тогда с восторгом детским:
все хорошо, что числится советским.
А вот теперь не разберусь никак:
кто был я: патриот или дурак?

* * *

Поэт в России больше чем поэт.

Е. Евтушенко

Поэт в России вовсе не поэт,
коль скоро заседает он в госдуме.
Прозаиков нормальных тоже нет:
ударилась в политику до дури.
Актеры надрываются с трибун,
стремятся в президенты генералы.
Экономисты возглавляют бунт,

⁴ и вот человеческая комедия (франц.)

⁵ ГЛОРИЯ МУНДИ – земная слава (лат.)

перековавши на мечи орала.
Откуда же наступит благодать
в отечестве тотально обалделом?
Нет, на Руси порядка не видать,
покуда не своим всяк занят делом.

ДЕКАБРИСТЫ

Раболепная челядь
и шпицрутенов свист.
Нетопырь Аракчеев
над Россией навис.
Все суды, пересуды,
горький хмель до зари...
О, дворянские смуты,
темных царств декабри.
И отнюдь не в опале:
имена, ордена!
С жиру бесятся баре –
им какого рожна?
Видно, слишком заелись
с государевых ласк:
зарубежная ересь
их заводит в соблазн.
И в преступных витийствах
забывают они:
для народов российских
все свободы вредны.
Знает лучше, что надо,
что дозволить, что нет,
государь-император,
в надлежащий момент...
Голубая порода,
бунтари, чудаки,
далеки от народа,
эшафоту близки.
Им Сибирь, лихолетье
в казематных тисках,
отделение третье –
голубая тоска.
Против силищи царской
их бравады смешны,
и из стужи декабрьской
им не сделать весны.
Не того они класса,
чтоб погоду сменить,
нет пока еще Маркса,
чтоб им все объяснить.
Может, им отсидеться –
против обуха плеть.
Может, им оглядеться
и себя пожалеть.
Это дело – не фронда,
не в игрушки играть.
Это – встать перед фронтом
и пощечину дать.
Закричать во весь голос:
гренадеры, в ружье!
И в атаку на подлость,
на тупое житье.
Это как еще страшно
выйти в дело таком
не на ваших – на наших,

на своих со штыком.
На родное, святое,
(не вернуться ль назад?)
На такие устои,
что колени дрожат...
Ты дивишься, Россия.
Что же делать с собой,
если больше не в силах
выносить твою боль?
Недоверчивым глазом
на мундир не гляди.
Это бьется твой разум
за тебя впереди.
Видишь: лучший из лучших,
подымает, поэт,
против жерл всемогущих
тонкий свой пистолет.

ПОЭТ

И из детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он...
А. Пушкин

Ван-Гогом покрывали хлев,
он был официальным психом.
Варлен буянил, захмелев,
безумен и похабен ликом,
России первый соловей
тонул в сивухе без огляда,
и бог поэзии твоей
не мог преодолеть распада.
Что это? Гнет ли черных крыл
или, напротив, Божья воля.
Иль сам себя приговорил
к гоненью, пуле, алкоголю?
А может, дело все в ином:
ты – гений, жребий твой означен:
за отклонения от норм
тобой счет должен быть оплачен.
Ты аномален, ты другой,
твой дар жесток, а век короткий.
И нестерпимый свой огонь,
быть может, утишаешь водкой.
Все неизменно с давних пор
и без поправок на эпоху:
невольник истин – на костер,
невольник чести – на голгофу.
Живущий есть
тебе в упрек,
кто сроду правил не нарушит.
Но даже трезвый
он кликуша,
и даже пьяный –
ты пророк.

* * *

Стихи – вибрация души,
которая бессмертна вроде.
И могут быть нехороши,
но неизменны по природе.
Когда ж исходит что из нас
волною радости иль плача,

определяет резонанс
размер достигнутой удачи.
А именит – не именит,
напрасно сотрясаешь слово,
когда ответно не звенит
душа бессмертная другого.

* * *

Что ж, постаревший Лель,
довольно ты старался.
Пора убрать свирель
и перейти на стансы.

Затейливый певец,
твои фиоритуры
не для глухих сердец,
не для сердец понурых.
Пронзающий флейтист,
твой виртуозный самый,
отчаянный твой свист
не для ушей усталых.
Оплошно не возвысь
искусство крысолова:
презревших звук к иному
уводит тихо мысль.

Павел КОРЮГИН

ПОЭТ И БОЖЕСТВО

“Услышь, Боже, вопль мой,
внекли молитве моей!
От конца земли взываю к Тебе
в унынии сердца моего:
возведи меня на скалу,
для меня недосыгаемую”.

Псалом 60, 2-3

В благолепии храма
Литургия о мире скорбит,
Переполнили воздух
Людского страданья вздохи.
“Видно, нет Тебя с нами! –
Поэт Божеству говорит. –
Вот и бьемся от роду,
Вопим о скончаньи эпохи...”

Проявись перед нами,
Себя нам понять помоги!
Заблудились во мгле
И к Тебе обращаемся с плачем...”
И увиделось пламя,
Послышались чьи-то шаги:
“Ты живешь на Земле,
Но своей не решаешь задачи.

Весь твой дар – от Меня.
Эта Сила – всех прочих сильней:
Зажигаются звезды,
Когда изрекаю Я Слово.
Ты ж, стихами звеня,
Забываешь порой обо Мне.
Восхваляясь, не рос ты.
И хвалишься снова и снова...”

“Ну, так дай мне ответ!
Что мне делать, Господь, научи!
Как познать, где Ты есть?
Расскажи мне хотя бы немного”.
И услышал поэт
Посреди песнопений в ночи
Благодатную весть
От Вселенского мудрого Бога:

“Сохраняя Творенье,
Из центра вселенной гляжу.
Нет ни верха, ни низа,
Лишь сетка серебряных нитей.
Там ячейку поправлю,
А там узелок завяжу,
Там без всяких эскизов
Отлажу течение событий.

И пульсирует Жизнь,
Умирает, рождается вновь, –
Можно видеть воочию,
Сколь изменения зримы.
И в работе Моей
Применяют безмерно Любовь
Иегова и прочие
Дети мои, Элохимы.

Счастлив Я и могуч,
Потому что от Горних высот,
О которых судить
Даже Я, высочайший, не смею, –
Опускается луч
И Отцовское Слово несет,
Чтоб Меня обновить,
Научить, коль чего не умею.

Так и ты, человек,
 На пылинке своей голубой,
 Истопившись в борьбе
 Сам с собою в запутанном быте,
 Из-под сомкнутых век
 Должен чувствовать: Небо с тобой,
 Из Вселенной к тебе
 Непростые протянуты нити.

Человечья возня
 Доконала тебя бы давно:
 Все дела и мечты
 Беспольны, коль нету опоры”.
 “...Грешен, Господи, я!
 И не ведал я выхода, но
 Приближаешься Ты –
 И с тобою подвигну я горы!

Мне бы миру помочь,
 Чтобы в нем поубавилось Зла!
 О Любви говорю,
 А меня не читают, не слышат...”
 “В их сознании – ночь,
 И метель все углы замела.
 Дожидайся зарю –
 Бог твоею рукою напишет.

Белый спустится Ангел,
 Крылами тебя осенит,
 Даст такие слова,
 Что сердца из камней разбудят;
 Позабудутся ранги,
 Податливым станет гранит;
 Люди ахнут сперва
 И, себя не жалея, осудят.

Все покаются, только
 Сначала покаешься ты!
 Дам тогда тебе Свет,
 Станешь Божьим светильником людям”.
 Голос смолкнул. И долго
 Сиянье лилось с высоты.
 Был недвижим поэт
 И, в томлени, почти безрассуден.

Стыли слезы в глазах,
 Обращенных в себя самого.
 “О, Господь, все исполню!
 Меня не оставишь доведу!” –
 Он крестясь, сказал.
 И молился. И сердце его
 Луч надежды заполнил,
 Надежды помочь Человеку.

После, в тесном автобусе,
 Дома, в привычной среде,
 Понимал постепенно
 Священное дело поэта:
 Без уныния и робости
 Ныне, всегда и везде
 В мир нести вдохновенно
 Частичку Небесного Света.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Алым пламенем струится
 Из небесной выси свет.
 Ранним утром помолиться
 Вышел из дому поэт.
 Он шагает по тропинке,
 Сердце – настезь, светел взгляд.
 И узорные снежинки
 Божьей весточкой летят.
 Все заботы он оставил,
 Всю мирскую дребедень,
 В тишине Творца восславил
 За грядущий новый день.
 Он к делам придет ликуя!
 Будет счастлив вновь и вновь;
 Он воспримет боль людскую,
 Перельет ее в Любовь;
 Разъяснит Слова и Числа,
 Вспыхнет факелом во мгле! .
 А иначе – нету смысла
 Быть поэтом на Земле.

ДЛЯ ЧЕГО Я ПИШУ

Люди живут на Земле, чтоб друг друга любить,
 Чтоб на рассвете друг друга приветствовать мило. –
 Так понимаю я, только не так это было:
 Люди живут на Земле, чтоб друг друга убить.
 Сколько же миру в крови человеческой плыть?
 Вон, почернело от нашей неправды светило...
 Столько пропало труда и растрчено пыла,
 Что оборвалась в сердцах путеводная нить.
 В том моя миссия, чтобы обрывки связать, –
 В каждое сердце для этого надо стучаться,
 Чтобы услышали, – может же так оказаться! –
 Чтоб погибающим помощь успеть оказать.
 ...Нужного слова еще не умею сказать,
 Вот и сердца у людей не хотят раскрываться...

АШРАМ⁶ ПОЭТА

Мои друзья приходят в мой ашрам,
 Ища покоя в мире одичалом.
 Здесь медленное время по утрам
 Спрессовано и катится обвалом.

Здесь солнце днем немилосердно жжет,
 А ввечеру, прохладой напоенном,
 Внимает Бог любому, кто придет:
 Мечтателям, поэтам и влюбленным.

Здесь всюду – Он: на письменном столе,
 В собраниях книг, в исчерканной бумаге.
 Отсюда видно все, что на Земле
 Случается – и требует отваги,

Осмыслить чтоб, понять, зачем прибрел
 Ты в этот мир из Мира Неземного;

⁶ Ашрам (санскр.) — священная обитель

Что потерял, чего не приобрел,
С каким заданьем воплотиться снова.

Здесь видно все, лишь будь предельно чист:
Любовь – к Любви, и никогда иначе!
Ашрам... Рассвет... Бумаги чистый лист...
Бог говорит!.. И дьявол где-то плачет.

ГОВОРIT УОЛТ УИТМЕН

В яростной, клокочущей Вселенной,
На планете, тонущей в веках,
Я стою, счастливый и негленный,
Мир держу в мозолистых руках.

Обобщил недавние наброски
О Мирах, о людях, о судьбе.
Слушайте! Я вышел на подмостки,
Чтобы рассказать вам о себе.

Отрешившись всяких побуждений,
Отряхнув прах земных оков,
Я стою на некоей ступени
Протяженьем в тысячи веков.

Вверх и вверх зовет меня Всевышний,
Трудности вокруг меня стеной,
Тысячи прожитых мною жизней
За моею строятся спиной.

Впереди – Ступени и Ступени,
А внизу, в бездонной глубине, –
То, что предваряло Мир Явлений
И служило колыбелью мне.

Летаргией мертвенно скован,
Ни Пространств не зная, ни Времен,
Был в Ничто я, и однажды Словом
К жизни из Не-Жизни пробужден.

Долго Силы Вышние трудились,
Дух мой новорожденный граня,
Радостно Миры вокруг роились,
Музыкою тонкою звеня.

Мой зародыш тоже не ленился,
Совершал из Вечности побег.
Час пришел – и вот он, я! – явился
По Земле идущий Человек:

Под ногами – слабая Природа,
Над главою – несказанный Свет.
Я спустился с радужного свода,
Чтоб сказать вам, люди: смерти нет!

Вызревавший долгими веками,
Я несу сияние Огня.
Между шляпою и башмаками
Не вместить безмерного меня!

Все слова, все люди, все предметы, –
Все во мне сливается навек:
Я – бессмертный, я – Посланник Света,

Крепкий духом, сильный Человек!

То же – вы, коль поглядите шире!
Тайну тайн хочу вам приоткрыть:
Люди **могут** в этом странном мире
Без взаимной ненависти жить.

Не роняйте званья Человека,
Не гасите чистую зарю! –
К вам из девятнадцатого века
Я, Уолт Уитмен, говорю.

* * *

Моя страна не слышала меня,
Она ругала власть и непогоду.
Словами бесполезными звеня,
Был несозвучен целому народу.
Замкнул уста – вселенная души
Была тиха и вся лучилась Светом.
Страна кипела в сумрачной глуши
И знать не знала сына и поэта.

МОЯ МУЗА

Явив невиданную милость,
От нас еще отдалена,
Звездой вечернею скатилась
Из мира горнего она.
Ее лучистая свобода
Внезапно вспыхнула во мгле,
Ей стала песнею Природа,
Богам – люди на Земле.
Она вошла ко мне с рассветом
Царицей Духа, и в тиши
Я стал нечаянным поэтом
До Неба выросшей души.
Превыше человеческой власти
Незыблем чистый идеал.
И в этом истинное счастье
Тому, кто Истину познал.

* * *

Собираю подростков и радуюсь я,
Что вокруг, в обозримом радиусе,
Столь понятны мне и близки,
Поднимаются душ ростки;
Поднимаются, не стесняются,
С солнцем ласковым обнимаются;
На вопросы ищут ответы,
Широко распахнувши очи, –
Из подростков растут поэты,
Может, даже большие очень.
Мне бы их уберечь, мне иначе нельзя:
Лишь намечена их стезя.

* * *

Есть очень взрослая игра, –
В такую не играют дети:
Знать о себе, как о поэте,
Владыке бойкого пера!

Потом увидеть на свету
 За трескотней самоназваний
 Всю многолетнюю тщету
 Своих безумных притязаний...
 Иль не увидеть! – и пора
 Настанет для бессильной злобы
 К тому, кто путь нашел особый...
 Такая странная игра.

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР

Опять на сцене стоя,
 Сжимаю микрофон,
 Меня сейчас с толпою
 Соединяет он.

Во тьме белеют лица,
 За рядом – новый ряд.
 Мне надо к ним пробиться
 Сквозь марево преград.
 Я говорю: “Дороги
 Пройдем мы, лишь любя!
 Мы, люди – это Боги,
 Забывшие себя!”
 Потоком светлых магий
 Стихи мои звучат,
 А Боги в креслах мягких
 Расслабленно молчат.
 А Боги отдыхают,
 Им речь моя темна...
 И в сердце полыхает
 Неясная вина.

Александр МАКСИМОВ

Его нудизмы-гаррики.
 В голове от той нирваны
 Гоношились шарики.

ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ

На устах отсияла улыбочка.
 Я сегодня сердитый такой,
 Даже кошка проходит на цыпочках
 От дивана на кухню за мной.

В зеркалах и стихах раздражение.
 Выпью чай, покачаю ногой.
 И, вот так, попинав отражение,
 Обретаю любовь и покой.

МАДРИГАЛ

Вы не любили никогда
 Хрустальный блеск болотных лилий.
 Вы не любили никогда
 И избегали слова “милый”.
 Вы не любили никогда
 Скрывать, что вещи вас пленили.
 Да и стихи, что в даль манили,
 Вы не любили никогда.

РЕДАКТОРУ

Да, я не Пушкин, и вы не Дантес!
 Просьба, внимлите совету:
 Лучше влюбитесь в двух-трех поэтесс,
 Но не стреляйте в поэта!

СЛУШАЛ ЛИРУ ГУБЕРМАНА

Слушал лиру Губермана,

АНАТОМИЯ СТИХА

Слова – это мышцы стиха,
 А замысел – это скелет,
 А рифмы – поэта душа,
 Бывают стройны как атлет.

Читатели смотрят в глаза,
 Издатели просят стриптиз.
 Что чувствует автор? – Гроза!
 Что мыслят коллеги? – Каприз.

Стихи – сотворенье желтка
 От чувства, что ждут много лет.
 Казалось, могли жить века,
 Но сделает критик оmlет.

ТЫ, МАЛЬЧИК, ЧЕЙ?

Критический дар есть у всех.
 Я просто завален дарами.
 А как обрести мне успех?
 У Кришны искать иль в Коране?

Устав от бессонных ночей,
Топчусь на ковре консультанта.
– Ты, мальчик, откуда и чей?
В тебе я не вижу таланта.

— Скажите, а чем плох мой стих?
Писать по-столичному буду. —
Я руки развел и затих,
Напомнив творящего Будду.

— А знаешь, сходи лучше к /бы/, —
Элитконсультант озадачен.
— Ах, ты из далекой Ухты? —
Он стал озаренно-прозрачен.

К ПОЭТУ СЕРЕБРЯННОГО ВЕКА

“Мечты исчерпаны до дна. Иссяк
источник вдохновенья”

К. М. Фофанов.

Понапрасну хандрическим слогом
И хмельным разъядрическим ямбом
Ты связался с мифическим богом
Как бы мстя истерическим бабам.

Забывает об этике Эрос,
Когда входит с бутылками Бахус.
Подменила патетику серость,
Видно, дали вы с водкою маху-с!

Не пыхтел ты трусическим бегом,
Не скользил лебезическим шагом,
Чтоб поэзно-классическим веком
Просиять серебряческим магом!

Нынче будней истертая ветошь
Отогрела стоический лакмус,
И, теперь, даже черная ретушь
Не собьет поэтический градус.

ВМЕСТО НАЗИДАНИЯ

“Давно не брал я в руки шашек”,
Ребенком не был я давно.
Букетик солнечных ромашек
Давно не веселит окно.

Картинки праздничного детства,
/Пусть даже дождик моросил/,
Они, лишенные кокетства,
Как радуга душевных сил.

Но подошло седое время.
Тернист, извилист жизни путь.
Ну, что сказать, младое племя?
Храни Господь! До завтра. Будь!

В МОСКВЕ

Столица! О, ваше величество!
Какое количество зданий!
Мелькает немое сто-личество
Скульптурных лепных назиданий.

Тут люди, как будто на блюде,
Влюбленные в сладкое мушки.
На них, утонувших в абсурде,
Взирает задумчиво Пушкин.

О, ваше высочество! – Стены!
Укрывшие грешные мысли.
Вскрывая Отечеству вены,
Вы стольких талантов загрызли.

Здесь многих водили на плаху
И били сильнее чем куранты.
Заправив получше рубаху,
Смотрю как шагают курсанты.

У домика с надписью “Ленин”
Ракетные плыли парады.
Я с феном иду, феноменен!
Но мне часовые не рады.

КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА

Вот с пивом бродить – красиво,
А с Библией – это срам.
Сходить в ресторан? – Мерси вам!
Но только не в Божий храм!

А вдруг, кто увидит знакомый,
Что трезвый без всяких мух
Молитвенным словом влекомый,
Стою среди божьих старух?

Тогда не избежать насмешек.
Быть трезвым – нелепица, грех.
Путем моих жизненных вешек
Стал путь пол-литровых утех.

О, Боже! Я так заколдован!
Мне водка милей, чем харчи.
Весь дух бытия проспиритован.
Мой ангел! Присядь, не молчи!

Хранитель! С тобою я ожил.
Попробую так сочетать:
Чтоб Бахус меня не тревожил,
Я лириков буду читать!

СТИХИ

Мои стихи... обнажены!
Не то, чтоб очень – по колено.
Они торжественно – смешны,
Звуча из бочки Диогена.

В них есть лукавство мудреца,

Хоть рифмы простенько одеты,
И, пусть, не ведали венца,
Зато – не славили портреты.

Закрыли в бочке. Крепят дно.
Кричу, под крышкой в щель-оконце:
— Поэта, вы, запретите, но...
Вы, дураки! Запретите... Солнце!

ДАЛЕКАЯ ЗВЕЗДА

Заглянули дочерком
Звезды в окна-ниши,
Чтоб узнать, каким пером
Стих про них напишут?

Мюзик-холленный поэт –
Дорогим павлиньим,
А некормленный студент
Водит носом синим.

Обсуждают пух перин:
– Тонок пух лебяжий.
– И поэт ли тот блондин,
Тот, что с музой ляжет?

Я пишу карандашом
По совету Блока.
И звезду себе нашел,
Что не лезет в окна.

КАПРИЧЧИО

Буду ужасно культурно
Вить “ариаднову” нить.
Слогом вальяжно-бравурным
Чувственных дев беречь.

Буду сиять незабвенно
Шалым отсветом души.
Буду хмельно-откровенно
Злые уставы крушить.

Буду стоять монументом,
Сея плацкартный уют,
К птичкам горя комплиментом,
Что у подножья снуют.

Буду лениво-таверным,
Ловким движением рук
Бряцать роялем фанерным
Блюзы подкрашенных мук.

СЕМЬ СПОСОБОВ ВАЛЯТЬ ДУРАКА

1 – связать котов потуже за хвосты,
2 – искать в вине, сокрытое в начале,
3 – раскрашивать сожженные мосты,
4 – ждать поезда на яхтенном причале,
5 – подать к столу французские духи,
6 – порадовать уснувшего речами

7 – и сочинять вершинные стихи,
Без рифмы, без напева, без печали.

В ПЕЧАТЬ!

“Поэт в России больше чем поэт”!
В особенности, песенник и лирик.
Он – логопед-поэт и правдовед,
Его не втиснешь в чистогана мирик.

Поэту при кудрях, но без штиблет
Бросают дамы нежных взглядов розы.
Его стихи – сияющий паркет!
На нем заметней след поэта босый.

Поэт в России больше чем балет,
Поэт красив, как мощный старт ракеты,
Поэт – взведенный страстью арбалет,
Ему в печать!

Так нет же!

Что вы?

Где там?

СОНЕТ

От каких ледниковых лет,
Из каких парниковых снов
Зародился волшебный свет
И сонет родниковых слов?

Правил рифмы острей ножа,
Куролесил в стихах, а вы? –
Упирались в меня дрожа
Взглядом желтым как у совы.

Согревая любви алмаз
Многократной молитвой глаз,
Робко нежил я чувств порыв.

Был горячий, но не палящ.
Вы промолвили, поостыв,
Что желаете модный плащ.

В КУЗНЕ ЛИРИЧЕСКИХ СТРОК

Девушек с негою снов,
Дам со страстью молитв
Влечет к визажисту строф,
Поэту сердечных битв.

Пускай, кажусь одинок.
Любуйтесь, кольцуя дым,
Когда я у ваших ног
Кручусь рублем золотым!

Поэзия клочки бумаг,
Ценю временной тариф,
Слова окунаю в лак,
Ищу любви логарифм.

Машинкой чеканю слог,
Дрожат, обжигая ритм,

Окурки изломанных строк
На пепельнице рифм.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Кареглазая душа
С нежно-теплыми лучами.
Я люблюсь не спеша,
Не дыша слежу за вами.

Милосердный карий взгляд
Не оцените вы сами.
Он – божественный наряд,
Он – поэзия в бальзаме.

Я хочу из ваших глаз
Задшевностью напитаться,
И тогда мне сон приснится,
Что талант мой не угас.

Сочиню для вас романс,
Овладев пером “жар-птицы”,
Я впишу вас как царицу
В изумрудный ренессанс.

ПАЛАТА №6

Я с Карелиным брошусь на рельсы!
Дайте место и каски, шахтеры!
Иногда, Бонапарт – я, он – Нельсон,
Я – поэт, он – прозаик матерый.

Вы без нас не добьетесь зарплаты!
В нас любовь к неформальному слову.
Кроем прозой на стрессе заплаты,
Правим рифмой для грезы обнову.

Мы оденем в цветное все мысли.
Мы обуем уныние в хохмы!
А без нас – вас бы мысли загрызли,
А без нас бы – романтики сдохли.

Разбирайте творения! Натё!
Нам не жалко, ведь мы не потели.
Мы старшие в смешливой палате!
Мы – колоссы! А вы как хотели?!

НА ВСЕ РУКИ...

Неззорно, на то и мастер,
Мне чернеть трубочистом стихов.
А по рифмо-ковальной страсти –
Я большой раздуватель мехов.

Но и мне – косметологу звука,
Костоправу поэзных основ,
Прививать – ежедневная мука,
Всем словам ароматы духов.

Заставляю фантазии рысью
Облетать цветники полей,

А не прятаться в норку лисью
От бескрылых чужих коней.

Но обходят тиражные выси
В облаках пригизетных мхов,
Нас – электриков ярких мыслей,
Архитекторов новых слов.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Ты, жена, отвечаешь мне – “нет!”
Как эсерка стреляешь мне в грудь.
Я уже целый час не поэт,
Вот уйду, и меня не вернуть!

Часто вижу вдали минарет,
К мусульманкам подамся жить я.
Ты ж заплачешь в дыму сигарет,
Станешь маленькой, будто дитя.

Ох, полюбит меня мой гарем:
Зульфия и Зухра с Гюльчатай!
Персиянки – торта нежный крем.
Под их сладкое “айе” пью чай.

Перед сном ты заплачешь тогда:
– Милый мой, хоть во сне прилетай!
Да, я – дома! Шучу как всегда.
Гюльчатай, ты моя Гюльчатай...

Григорий БОТВИННИК

* * *

Мне видится
особая печаль
В Поэзии
ушедших поколений.
Надежда подле
вечного “прощай”
И вечность
в повседневности явлений.
Вот почему
когда уходит день.

И сумерки вечерние
 промокнул.
 Скользит по занавескам
 ваша тень,
 И листья памяти, кружась,
 влетают в окна.
 Пройдет и сто,
 и даже двести лет.
 В седой улыбке,
 пряча безнадежность,
 Признает
 общепризнанный поэт
 Как славили в былом
 любовь и нежность.
 Пусть говорят,
 что это, мол, старо,
 А мир земной
 и без печали вечен.
 И все-таки,
 державшие перо,
 Любуясь днем,
 не забывали вечер.

Галина СОЛОГУБ

МЫСЛЬ

Как долго зрела мысль
 И в темноте таилась.
 Но тесен был сосуд,
 Несовершенен дух.
 В предчувствиях нечетких
 Растворилась,
 Боясь открыто
 Высказаться вслух.

Предчувствия потом
 Томили душу,
 Сбивали с ритма
 Каждодневных дел,
 Стремясь порядок
 И покой нарушить, –
 Неустановлен
 Хаосу предел.

Душа сражаться
 Стала в одиночку,
 Бросала чувства
 В яростный костер.
 Сожгла до тла...
 И написалась строчка,
 Мысль вырвалась
 В космический простор.

ЗВУК

Обрушился звук ниоткуда,
 Как гром среди ясного дня,
 И эхом надломленных буден
 Терзает и мучит меня.
 Все чудится грохот обвала,
 И тяжесть упавших камней
 Заставит пригнуться сначала,
 Чтоб было подняться больней.
 Бессонность, нелепость, случайность,
 Как отзвук сирены вдали,
 Тревога уже отзвучала,
 Но сердце протяжно болит.
 Как выбраться в суть и начало,
 Где мир первозданен и тих,
 Чтоб я никогда не узнала,
 Как трудно рождается стих?..

* * *

Бессилие коротких строчек
 Опять измучает в ночи,
 Когда безмолвье многоточий
 Вдруг гулким эхом зазвучит.
 Умножу их многозначенье
 И недосказанность прощу.
 В потоке фраз и изречений
 Все слово нужное ищу.
 Найду – нечаянная радость.
 Нет – не утраченная боль.
 Противна приторная сладость.
 Горька излишествами соль...
 Так нужен долгий привкус мяты
 И жжение острой кислоты.
 ...Слова ни в чем не виноваты,
 коль души пресны и пусты.

Николай ЖУКОВ**ПУШКИНУ**

Великий сын страны своей великой,
Ты побеждать учил беду и страх.
И гений твой, как светоч многоликий,
Горит и ныне в страждущих сердцах.

Певец любви, свободы, с днем рожденья!
Для нас с годами ты роднее стал.
И мы храним то гордое терпенье,
Что ты своим потомкам завещал.

Душой раскованной, всегда мятежной,
В отчизну был отчаянно влюблен.
И прославлял ее святую нежность,
Колоколов волшебных перезвон.

В твоей любви, в надежде и печали
Не зря себя мы часто узнаем.
И до сих пор твой голос будит дали
Как будит их веселый вешний гром.

У ПОДНОЖЬЯ МАШУКА

Сюда стекаются тропинки,
Сюда бежит асфальт дороги.
И изумрудные росинки
На обелиске стыннут строгим.
В молчанье грудятся каштаны,
Туман ползет по листьям волглым.
Я знаю, что такие раны
Не заживают очень долго.
Дуэль, – убившая поэта, –
Такому разве есть прощенье?
Она не может кануть в Лету,
Как зло вселенского значенья.
Сгорают дни в седых закатах,
У Машука стареют плечи.
Что совершилось здесь когда-то –
Россия помнить будет вечно.

МЫ К ПРАВДЕ ДОРОГУ ИСКАЛИ

Посвящается поэту Н. А. Володарскому

Кричу в запредельные дали,
Но ты не услышишь мой зов.
Как часто тебя убивали
Под стоны продрогших ветров.
Но ты поднимался и снова
Навстречу судьбе уходил.
Рождалось в бессоннице слово,
Которым коварство клеймил.
Избитый тропею сомнений,
Ты к истине шел во весь рост.
Из твердости духа, терпенья,
Построил к свободе свой мост.
Не в землю сырую, а в песни
Душою окрепшей ушел.
Мне было с тобой интересно
Садиться за письменный стол.
Мы к правде дорогу искали
Среди перекошенных дней,
Чтоб дети и внуки не знали
Чужих сумасбродных идей.
А в небе вечернем глубоком
Звенела звезда серебром.
Ты не был в борьбе одиноким
С безумством жестоким и злом.
Светилось лицо от волненья,
И голос немного дрожал.
С каким озорным вдохновеньем
Стихи о любви ты читал!
В тоске повседневной как прежде,
Пытаюсь припомнить наш спор
О счастье, о добрых надеждах,
Расстрелянных болью в упор.
Не думал тогда, что с тобою
Встречаюсь в последний я раз.
Холодной метельной зимою
Твой взгляд непокорный угас.
Горят поминальные свечи,
Над холмиком плавится снег.
И время, как будто навечно,
Замедлило горький свой бег.

Ирина КУТЕПОВА

* * *

Дуэль. Пред дулом пистолета
Равны и гений, и изгой.
Но нет для русского поэта
Ни музы, ни жены другой.
И что дуэль? Она мгновенна.
Растает смерть в седой дали.
И снова все благословенно:
Стихи и жизнь, и Натали.

* * *

Мороз звездой сердце ранил,
Зеленый взгляд спалил мне душу,
И мчались ледяные сани
В крещенскую парную стужу.
И в темноте мерцали звезды,
Дорога далью уходила,
Стихи нечаянно замерзли,
И на щеке слеза застыла.

* * *

И снова ничего хорошего
Ты мне, любимый, не сказал.
Так знай, стихи писать не брошу я,
Чтоб к каждой букве ревновал!

* * *

Ко мне любовь пришла не сразу,
Пережила я зло и месть.
Ах, витязь мой зеленоглазый,
К твоим ногам – стихи и честь!

* * *

Не мечтается и не пишется,
Не зовется и не грешится,
Лишь печальная песня слышится,
Да ночами опять не спится.

Владимир АНШУКОВ**ПАМЯТИ ПОЭТОВ**

Мне очень больно за поэтов
С огромной тяжести крестом –
Их души без бронезилов
На этом свете и на том.

На этом в них, таких ранимых
И свято верящих в людей,
Не дрогнув, зримо и незримо
Стреляют, словно в лебедей.

А как отмучается тело
У неоконченной строки,
В душе копаются умело
Со скальпелями знатоки.

И, восхищаясь божьим даром,
Поймав оборванную нить,
Со вкусом пишут мемуары
Умеющие долго жить.

Избавил милосердный Боже
От славы бешеной меня,
Но боль пронзительную все же
В душе порою не унять.

И лишь тогда легко бывает,
Когда, спасая от тоски,
Глухое время пробивают
Стихов зеленые ростки.

СВЯТКИ

Затрещали крутые морозы...
Почему я не белый медведь?
Благодатное время для прозы –
Так недолго и обледенеть.

Но я верю в поэзию свято
Даже этой жестокой зимой.
Пусть не хватит несчастной зарплаты,

Лишь бы Муза осталась со мной.

Лишь бы было побольше скитаний
По мирам за узорным стеклом,
Чтобы строчки полярных сияний
Заплясали в блокноте моем.

Чтобы ряженым весело в святки
В этой северной нашей глуши
Мог раздаривать щедро остатки
Не успевшей замерзнуть души.

Наталья ФОМЕНКО

СЕГОДНЯЧКО

Не видна дорога,
Нет в душе тепла.
Тяжело к порогу
Пропасть пролегла.
Сумерки да будни,
Воры да грехи,
По сугробам блудят
Тихие стихи.
Гулкое давленье
Гасит в венах кровь,
Новое затменье,
Явленная новь.

* * *

В депрессии, как в саркофаге, –
Ни оглянуться, ни шагнуть,
На лист желтеющей бумаги
Чернил марающую влагу
С пера в раздумьи не стряхнуть.
Но все же продолжаешь путь.
И в этом суть, и жест отваги.

Иван ПЕХТЕРЕВ

ПОЭТ

Поэт всегда поэт. Он – Прометей.
А если нет, то мысли его тщетны.
Добыть огонь он должен для людей
И принести им тот огонь священный.

О свет высокий! О, огонь богов!
Ты зажигаешь души, а не печи.
И за тебя поэт всегда готов
Все беды возложить себе на плечи.

Коль надо, сердце он орлам отдаст,
Не станет сожалением терзаться,
Поэт не знает страха никогда:
В нем – сердце Прометея, а не зайца.

Умрет поэт, но пламя слов его
Проходит сквозь сердца быстрее света
И утверждает правды торжество –
И в этом есть бессмертие поэта.

Надежда КАНЕВА**НЕУСТРОЕННОСТЬ**

Результатом недовольна,
На душе, как в дождь, серо....
Но сажусь к столу невольно,
Снова пробую перо.

Россыпь звезд и месяц бледен,
Журавли, залива гладь...
Рот немой, язык мой беден,
Чтоб все это передать.

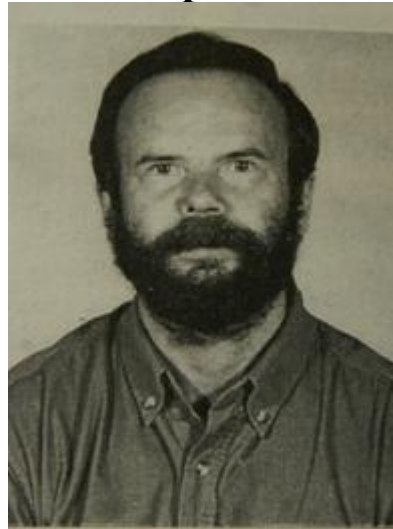
Мне б найти живой водицы,
Мастерства познать секрет,
Оживить слова, страницы,
Чтобы с них струился свет.

ДАР

Я малой неопытной пчелкой
Попала в большой цветонос.
И чашей цветочною, емкой
Бог лиру мне в дар преподнес.

Принять всей душою бы рада,
И дух мой пожаром объят,
Пугает незнание сада,
Дурманит цветов аромат.

Не вечно я буду бессильной,
А крылья укрепят полет,
Приму тогда дар Твой обильный,
Как соты живительный мед.

Владимир МИРОНОВ**МОЕЙ МУЗЕ**

Игривей ветрениц капризных
Стучится Муза мне в окно,
Хотя открыта дверь давно,
Но Дева выбирает путь,
Чтоб мог на диво ног взглянуть.
Дивлюсь, любуюсь не дыша, –
Прелестна ты, моя душа.
Она мои читает мысли –
С ней ничего у нас не вышло
Она обиделась – ушла.
На сердце ты лишь – розой дня.
И жалит страсть огнем меня.

Алексей МИЛЬКОВ

УЖАСНАЯ ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Это было их первое путешествие с далекой системы. Как и следовало ожидать, вероятность встречи с Землей была нулевая, но она произошла.

– И-щи-те и об-ря-ще-те, – медленно по складам сказал Пергарт первые слова нового великого и могучего языка.

– Сезам, открой дверь! – в охотку ответил Макморд, соблюдая рудиментарную грамматику.

– Жребий брошен, – уже совсем уверенно произнес Пергарт.

– Рубикон перейден, – Макморд закивал в знак согласия.

Пергарт удовлетворенно потер щупальцами.

– Ну что ж, земными языками мы вполне сносно овладели. Да, кстати, ты не нашел доказательств прежних посещений Земли инопланетянами? Интересно, следы былых пришельцев наблюдаются?

– Следов постоянного пребывания нет, но об одномоментных визитах говорят многочисленные упоминания об НЛО.

– Следовательно, были...

– Но долго не задерживались и не устанавливали контакты, а по какой причине – неизвестно.

– Не будем отвлекаться, – Пергарт сделал знак, – приступаем ко второй стадии – к систематизации; здесь в библиотеке вся информация, собранная землянами за их многотысячную историю.

Молодые, но уже опытные космические экспериментаторы сверхорганизованные БУКи⁷ класса Z, Пергарт, сугузняк пси-величины, и Макморд, чуть положе и поплосше средней, словно шкафы, положенные навзничь, рылись в развале книг, поднимая шумным листанием несусветную тучу застарелой пыли. Почкообразные, они довольно пронырливо двигались в громадном книгохранилище, протянувшемся на два длинных квартала. Тоннели, проходы, коридоры – все было забито книгами до потолка – хаос и обилие имен авторов и названий. Выпрыгивающие из тел щупальца с бесчисленными присосками так и мельтешили в беспокойном движении с мягким и шуршащим отцепом по обложкам, пытаясь извлечь все книжные знания до последнего. Пергарт и Макморд жадно таранили древние тома своими белоснежными телами, на которых почти не росли волосы, а вместо ско-

нов выделялись по две пары дырок над хорошо разветвленными в стороны звездообразными клумами. Плоские стубы придавали решительность и настойчивый полет мысли, отчего сквозь телесную восковую оболочку в такт напряженной умственной работе, как цветомузыка, вспыхивали лучами гравсконы.

Они шли по многократно проторенному пути познания – беглого просмотра отобранных биологических образцов с последующим экспромт-выводом. И первая заповедь их инструкции гласила: в целях быстреего освоения космического пространства не утруждать себя лабораторными и всякого рода долгосрочными исследовательскими работами; заповедь вторая наставляла: не отвлекаться от графика посещения планет; третья говорила: не принимай на веру то, что лежит на поверхности; а четвертая заповедь вообще запрещала проявлять какие-либо эмоции от легкого и быстрого успеха.

Сугузнякам было некогда в насыщенной круговерти посещаемых планет и астероидов. Экономия времени – вот главный основополагающий фактор, а работа по первоисточникам – обязательный метод. Они доверяли местным ученым светилам. Если те писали в своих трактатах, что баобаб живет тысячу лет, – значит, так оно и есть. Подвергать даже малейшему сомнению, ждать тысячу лет, наблюдать баобаба в росте и перепроверять факты, отработанной практики не было (см. заповеди).

Они моментально изучили земные языки. Встроенные в них лингвистические капсулы собрали и свели все слова из книг в словари, а словари – в складоры сугузняков, и теперь они тратили время на самое необходимое – аналитическое определение форм и видов.

Сегодня по насыщенной программе предстояло провести экспертизу 100000 разновидностей.

– Итак, напоминаю, главное для нас – правильно расставить акценты, – сказал Пергарт. – Эта планета местными аборигенами зовется Земля, а в наших анналах она числится, как третья планета Солнца, желтого карлика, звезды 5 величины в созвездии Гальпы сектора КАМ 882. Глухая провинция космоса, 6 континентов, 4 океана, сутки – 24 часа, климат теплый, условия жизни благоприятные.

– Образец номер семь! – объявил Макморд.

В мерцающем ореоле магнитного поля, служащего непроницаемой охранительной клеткой, возникло яркое свечение, сгустившееся в высокое, стройное, тонкое, непонятно какое существо, привязанное не совсем крепко-накрепко невидимыми нитями к какой-то подставке из двух крест-накрест шестов. Оно как растение ветвисто тянулось вверх и книзу очень подвижными и гибкими, длинными парными сочленениями.

Макморда заколотила дрожь и он прижался к полу еще сильнее, колени предательски подогнулись, лапки не

⁷ базы управляемых комплексов

держали его. Он в изумлении смотрел на это убожество, на это омерзение, на это уродство, на этого фантастического ублюдка. Макморд был в ужасе, мышцы его свело. Его состояние передалось Пергарту, но он нашел в себе силы спокойно сказать:

– Вообрази себе, что этот образец приятнее жуткого сокера с планеты Пжэар.

Успокоившись, Макморд тут же произвел нужные визуальные антропометрические измерения.

– Рост 183, вес 62, охват в широкой части 90, в узкой части 60.

– 90 – 60 – 90! Забавная закономерность! – восхитился Пергарт.

Энергично заглядывая то в одну книгу, то в другую, сугузняки стали кидать исполненные любопытства продолжительные взгляды на стоявшего перед ними вполоборота представителя земной флоры, а возможно, они пока еще не знали, фауны, или сочетания в одном организме того и другого в какой-нибудь пропорции. Больше всего они боялись встречи с имитацией, как механизма приспособления и обмана исследователей. Сколько уже было случаев по пути сюда, когда на проверку растения оказывались животными, а животные – растениями.

Образец номер семь был точеный, словно отшлифованный из белого мрамора неизвестным природным мастером экземпляра, который в этот момент свободным от пут ответвлением отвлекся на соблазнительную жвачку, предложенную пришельцами в красивой упаковке, как тест на красный цвет.

– А, в общем, прекрасный образец! – прибирая зумпами от удовольствия, забавлялся его экзотическим видом Пергарт.

– А как отчаянно сопротивлялся нашим биороботам, что струпами сошла верхняя оболочка! Только так можно было погасить дикую вспышку этого свирепого трампа, похожего выходками на бешеного необъезженного муранга с одноименной планеты.

– Огромная жизнеспособность! – согласился Пергарт. – Биороботам пришлось несладко, я сам лично, брр, не хотел бы оказаться в мокрых и вонючих трокулах этих исполнительных тупиц. А у образца на это, обрати внимание, уникальная мимикрия – отключил все чувственное восприятие с внешним миром на типичный болевой или неприятный раздражитель, принял бледную защитную окраску и притворился безжизненным. Но зато сейчас, полюбуясь, пришло в движение и принялся фрумами за жвачку, выказывая свою всё пожирающую всеядность и неразборчивость в питании.

– Послушай! – Макморда вдруг осветила внезапная догадка. – А эти существа, бесчисленно населяющие планету, органически близки нам! Как понимать, что на их широкой поверхности тела почти нет волос, за редким исключением той верхней части, которую бы я назвал кламой.

– Тоже скажешь чушь! – Неудачное сравнение какой-то твари с себе подобными оскверняло и оскорбляло патриотические чувства Пергарта, историческими генами влекомого зову далеких предков высокоорганизованных БУКов.

– Похоже, нам предстоит сегодня трудный день, чтобы можно было быстро найти все недостающие звенья в развитии планеты и с чувством исполненного долга отправиться дальше на край галактики? – стал пугающе допытываться Макморд.

– Поменьше сентенций, продолжим систематизацию. Вполне возможно, мы стоим на пороге раскрытия очередной из тайн природы Земли, ее эволюционного пути развития, – сказал Пергарт. Он тремя присосками держал книгу, а одной успевал мгновенно перелистывать страницы, так что от книги веяло легким дуновением холодного ветерка. – Судя по описанию крупным ученым первой половины девятнадцатого века Александром Пушкиным, перед нами во всем своем облике так называемый вид, по его личному определению получивший научный термин – Ольга, – и он стал водить присосками по строчкам, звучно жуя шурбом и скрипуче присвистывая:

– “Глаза, как небо голубые;

Улыбка, локоны льняные,

Движенья, голос, легкий стан, Все в Ольге...”

– Стоп, стоп, будь внимательней! Что касается нашего образца, волосы есть, но только не льняные, – усомнился Макморд, обратив внимание на весьма принципиальное отличие и попутно пожурив товарища за ошибку и потерю научной бдительности. – Прав, видимо, другой древний корифей науки, тоже Александр, но Дюма, это по его терминологии – миледи! – И он привел в доказательство строки:

– “Д’Артаньян увидел, что дама была молода и красива. Это была бледная белокурая женщина с длинными локонами, спускавшимися до самых плеч, с голубыми томными глазами, с розовыми губками и белыми, словно алебастр, руками”.

– Не кажется тебе, что у нашего экземпляра волосы темнее? Поэтому я строго придерживаюсь версии, что это по-научному – Тамара! – Пергарт уже почтительно перелистывал следующий академический труд по рытью, как он предполагал, котлованов под лаконичным названием “Яма” какого-то инженера-фортификатора Куприна:

– “Тамара, тихая, уютная, хорошенькая девушка, слегка рыжеватая, с тем темным и блестящим оттенком волос, который бывает у лисы зимою на хребте”.

– Не-е! По-моему, волосы требуют более тщательной корректировки – они еще темнее – цвета, как бы сказать, ночного неба, – точно вынес собственный нюанс по цветоощущению Макморд и смачно выругался. – Чтоб нашим прасоздателям было неудобно почковаться, но я заявляю со всей ответственностью и определенностью перед близкими и дальними, настоящими и будущими родственниками, что перед нами госпожа Бонасье собственной персоной, или, как еще ее дополнительно называл уважаемый Дюма, – Констанция.

“Д’Артаньян, оставшись наедине с госпожой Бонасье, повернулся к ней. То была очаровательная женщина лет двадцати пяти, темноволосая, с голубыми глазами, чуть-чуть вздернутым носиком, чудесными зубками. Мраморно-белая кожа ее отливала розовым, подобно опалу”.

– Причем здесь Констанция? Даю свой хвост на отсечение, что волосы действительно как космическая мгла в созвездии Зульпа у Алькабасана, но глаза, глаза не подходят – далеко не голубые! – Пергарт пристально ощупывал пучком лучей образец, удивлялся в больших глазах на игру света при неоновом освещении, и долго не мог привести в систему свои многочисленные роившиеся в гравсконах догадки.

Зато Макморд уже оперативно вычитывал новую цитату из толстенного фолианта в золотом тиснении автора Льва Толстого:

– “Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами...”

– Опять все не то, не то, Макморд.

– Очередная техническая неувязка? Не на тех деталях акцентируемся?

– Ты уверен, что мы не ввергаем себя в уже запрограммированную ошибку? Рази меня звезда Бенга Церкава, но у нашего экземпляра глаза совсем не черные – светлее на два порядка и один колер! – на уже освоенном земном наречии запротестовал Пергарт.

– Правильно. А поскольку и не голубые, следовательно, приходим к общему знаменателю и частному определению, серые и только серые, как у Зои! – Язык землян Макморд освоил тоже не хуже товарища, что дало ему право привести в доказательство другую цитату из Куприна:

– “Зоя, высокая, красивая девушка, с круглыми бровями, с серыми глазами навывкате, с самым типичным белым, добрым лицом русской развратной, беспутной женщины”.

– Как ты сказал, эта с серыми глазами с лицом кого?.. – не понял Пергарт, стараясь соотнести приведенное выражение с чем-нибудь знакомым. Его осклизлое мерло от напряженного поиска ассоциаций приняло фиолетовую окраску.

Макморд с готовностью привел длинную выдержку из толкового словаря.

– Ну, это у них... гм... особа легкого поведения, осуществляющая... хм... самую гнусную, разнузданную, широкомасштабную продажу своего тела с целью наживы, коим противоправным действием входит в криминальное противоречие с Конституцией и Уголовным кодексом.

– Надо же, мелкая субстанция, примитивная форма жизни, низкая ступень развития, а какие проявляет страсти-мордасти. У нас, цивилизованных сугузняков, выкупать собственное тело в аренду – пожалуйста, но чтобы продавать тело... зачем и кому ее тело может понадобиться, для какой цели, какой покупатель может воспользоваться этими ее исключительными свойствами? – Изумлению Пергарта не было границ. Он часто и нервно сучил задними щупальцами, тербил их друг о дружку, словно у него обнаружился тупой приступ ревматизма и трением он снимал боль. Сказывалась сырая земная атмосфера и его наружная слизистая оболочка нуждалась в большей дозе спасительной радиации.

– Теперь все ясно! – догадался Макморд. – Это Пышка. Известный французский естествоиспытатель, как писали о нем современники в предисловиях, знаток, певец и выразитель женской натуры, основоположник раскрепощенного подхода к интимной жизни Ги де Мопассан, вписавший не одну яркую и колоритную страницу в области амурных отношений в той части науки, которая называется у землян любовью, так классифицирует это довольно странное существо:

“Женщина – из числа так называемых особ легкого поведения – славилась своею необыкновенной полнотой, которая стяжала ей прозвище “Пышка”. Маленькая, кругленькая, заплывшая жирком, с пухлыми пальцами, перетянутыми в суставах наподобие сосисок, с лоснящейся гладкой кожей, с необъятной грудью, расправ-

шей платье, она все же была привлекательна и пользовалась успехом – до такой степени радовала взор ее свежесть. Лицо ее походило на румяное яблоко, на готовый распуститься бутон пиона...”

Пергарт пространно слушал и сомневался. Он в уме расставлял все акценты по полочкам, но детали в чем-то не сходились, а какие-то не хотели вставать на место. Стоявший перед ними, жующий научный экземпляр во все не вписывался в некое строгое математическое или физическое определение по формам – не заплыл жирком, если не считать нормальную защитную корочку, волнующуюся спелыми кожными буграми от земной температуры и давления. Да и эти наплывы... Как понять функциональное назначение двух передних выпуклостей на груди, заканчивающихся на оконечностях крупными розовыми шариками, покоящихся на светло-коричневых розеточках, как зрелые ягоды на блюдечках?

Пергарт неуютно заерзал на книгах.

– Слушай, братец-сугузник, надо спешить, мы увлеклись натурными описаниями. Пора делать первые выводы, а у нас еще множество нерешенных вопросов: естественная среда обитания, время линьки, размножение, пища и регулярность кормления, практическое применение: можно ли на них охотиться или их надо охранять, – сказал он и задумался. – Так все же, кто это: Зоя, Тамара, Пышка? Пора ставить точку. Твое мнение?

– Не могу так с ходу сориентироваться, не хватает еще каких-то существенных данных. Может это – ключ к решению? – вдруг загорелся очередной идеей Макморд. – Тебе что-нибудь говорят слова “девушка” и “женщина”? Какая связь: по внутренним или внешним признакам, в физиологии или, скажем, в физиогномике?

– Не вижу никакой! – признался Пергарт. – Но может вот эта фраза прояснит картину окончательно. – Извлеченная из слоя вездесущей пыли черная книга была краями изрядно потрепана, и заглавие на обложке потускнело.

– Любопытно, любопытно! – Макморд засмотрелся на книгу.

– “Когда в девушке просыпается женщина, она готова превратиться в самку, при этом перманентно развивающийся инстинкт продолжения рода толкает ее на множественные или дискретные отношения с мужчиной, несущие в большей части латентный характер”.

– Самка... самка... – напряг буркли Макморд, потом приободрился. – Кстати, вот что сказал по этому поводу уже упомянутый Лев Толстой:

“Она пополнила и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодovitая самка”.

– Что такое самка? – тут же сам собою из Пергарта изрекся вопрос.

Сугузники совсем запутались в неразрешимой задачке. Слово “самка” им тоже ничего не говорило и не добавляло к сказанному, только усложняло и затягивало экспертизу. Несомненно, одно было ясно, что это была не Тамара, не Пышка. Тогда - кто?

– Требуется эксперимент! – смело высказался Макморд.

– Ты прав, когда ничего другого не остается. Закон любого серьезного исследователя – пока не потрогаешь, пока не пощупаешь – никаких выводов. Плодотворный эксперимент принуждает раскрыться природу во всей своей ипостаси! – напомнил основной принцип познания Пергарт.

– Точнее, во всей своей наготе, – довел до совершенства окончательную мысль Макморд.

– Да, но... – замялся Пергарт.

Но Макморд уже тянулся к образцу присосками. Они наполнились слизью и отблескивали световыми зайчиками.

– Осторожнее! – испуганным голосом вскрикнул Пергарт. – Осади назад. Азарт помутил твой рассудок, и ты забыл о данных нам заповедях, регламентирующих наше космическое задание.

Выдвинутым крючковатым жгутиком он нервно указывал на строчку в новой книге.

Макморд резко отпрянул и прочитал:

– “Неосторожно притронувшись к девушке, не важно при свидетелях или без оных, по закону чести должно немедленно жениться на ней, даже если решительно не настроен взаимно и не питаешь нежнейших чувств”.

Он не думал и минуты.

– Готов поставить эксперимент на себе, экспериментировать – так экспериментировать до конца во имя науки, я женюсь на ней! – Макморду не терпелось приступить к самому ответственному опыту в своей жизни и стать в этой области первопроходцем. Его длинный мерль неуловимо извергся из верхнего отверстия и облизал мерло. – Но как это сделать? Что значит – жениться? Это связано с большим риском? Вот, например, эта книга доказывает, правда не совсем понятно как, что женитьба устраняет перекосы какой-то практикующейся на Земле половой жизни между особями.

– Чш, чш, это чревато последствиями, а вдруг смертельными, и где гарантия того, что ты не переоценил свои силы? – зашипел Пергарт, которому огромный жизненный опыт подсказывал не торопиться и не делать ничего лишнего. – Подумай прежде, женитьба – это, значит, произвести какое-то физическое, химическое, биологическое или иное другое действие по отношению к субъекту. Но насколько оно безопасное и полезное, мы не знаем, а возможно, наоборот, это западня.

Макморд умоляюще сложил вместе щупальца.

– Вовсе нет! Это прекрасный организм, пусть примитивный, но он идеально приспособлен к окружающей среде, и разве цель не оправдывает риск? – Он все еще симпатизировал образцу, упрямо отгоняя непрошенные мысли о возможном неудачном научном результате, интуитивно чувствуя, что от него вреда никакого и общение с ним не смертельно, а приятно, как бывает приятным взаимное общение даже с самым диким зверем, если его приручить зиглучами.

– О Всевышний Вседоподлиннейший Разум Метагалактики! – по-земному завопил Пергарт, его щупалец остановился на нужной странице. – Ты отдаешь себе отчет? Перед нами чудовище, монстр, вампир! Оно только с виду миролюбивое существо, пока насыщает свой голодный инстинкт дармовой жвачкой. Без нее неизвестно, какую еще дикость выкинет в своей агрессивной ярости. Оно опаснее крокта и коварнее мелькеи с планеты Шершея. Известный в ученом мире Некрасов предупреждает всех, дабы остерегались их. Каждое слово его описания вопиет о страшных чудищах:

“Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!”

Пергарт совсем распалился от негодования. Его слюна так и брызгала во все стороны.

– Ты сможешь подобное продемонстрировать?

– Хотел бы и я на тебя посмотреть! – возражение было неподдельное.

– Признаюсь, я тоже... не смогу. Если только в защитном огнеупорном костюме...

Макморд был на перепутье, колебался и медлил. Но вот на его широком мерле появилась решимость.

– Желая провести опыт в полном объеме по расширенной программе.

Его перебил друг.

– Сугузняк ты неверующий, говорю тебе, это веселенькая планетка. Вот еще одно документированное доказательство их смертоубийственности:

“Женившись на Марье, Иван не успел насладиться сколько-нибудь счастьем в полной мере от молодухи. Стал на глазах хиреть, чахнуть, медленно угасать и в один из ненастных дней отбросил коньки. Злые языки утверждали, что это дело нечистых рук Марьи, погубившей уже четвертого мужа”.

– Вот почему эту планету обходят стороной пришельцы! – дикий страх парализовал Макморда.

Этот довод был последней стадией отчаяния. Макморд и Пергарт пришли в крайне возбужденное состояние, они оцетинились, мерла их были суровы и угрюмы, как последний день доэквинокса Сумерты на диске Пикасты.

– Быстрее в корабль, двигатели к пуску, возвращаемся! – скомандовал Пергарт. – Пока не отбросили коньки. Никто и никогда из сугузньков в путешествиях не подвергались таким смертельным опасностям.

– Эта ужасная, неприветливая, кошмарная, гнусная планета, еще не созрела для контакта! – судорожно изрыгал проклятья Макморд.

* * *

Не закончив экспертизу остальных земных образцов, космические экспериментаторы Макморд и Пергарт в страхе взмыли в небо, чтобы живыми и невредимыми вернуться через три тысячи шестнадцать галактик в свои родные Сугузняки.

УБЕРИ ТРЕТЬЕГО ЛИШНЕГО

“Вот она, Богом данная Россия!” – Шерлок Холмс стоял у окна, любовался на золоченые купола церквей, вспоминал лондонские туманы и размышлял о российских туманах в юриспруденции и следственных органах.

– Когда вы отчаливаете в туманный Альбион в порядке сыскного обмена, майор Пронин? – не оглядываясь, спросил он.

– Еще одно с вами совместное дело. А билет у меня уже в кармане. – Пронин не скрывал удовлетворения.

– Вы уж там особенно не усердствуйте, а то выведете всю английскую преступность на чистую воду, меня без работы оставите.

– Ничего, отведу душу, и вам кое-что из громких дел достанется.

– Вы, русские, долго запрягаете.

– Но уж мчимся во весь опор.

“Странный разговор”, – подумал Пронин, но Холмс неожиданно спросил:

– Интересно, майор, не в службу, а в дружбу, признайтесь, когда вы в последний раз задумывались о бренности человеческого существования? Таков неумолимый рок судьбы, предначертание природы. Попользовался льготами, предоставленными тебе жизнью, и освобождай место под солнцем следующему поколению. А я всегда об этом думаю, даже когда ложусь спать.

– Гм... – Пронин не уловил глубокого смысла.

– Что, непонятно? Вас не удивляет, что каждое третье преступление в России, я не хочу акцентировать – в варварской стране, связано с убийством или покушением на убийство? А наша бренность говорит о том, что в любую минуту мы можем оказаться жертвой даже собственной сиюминутной беспечности. Не так ли? – Холмс продемонстрировал мальчишескую улыбку, правда, несколько сдержанную.

– Гм... – опять не нашелся сказать Пронин.

Холмс и майор Пронин одновременно услышали свист закипающего электрического чайника и вместе сделали машинное движение, чтобы выдернуть шнур из розетки. Пронин конвульсивно дернулся и побледнел.

– Ну, что я говорил? Это в подтверждение только что приведенной мысли! – загремел Шерлок Холмс.

– Почему вас не ударило током, а меня шандарахнуло? – спросил ошеломленный Пронин.

– Да это же так элементарно, Ватсон!

– Не заговаривайтесь, Холмс.

– Ох, извините за банальную тавтологию с именем. Причина ясна, у вас сырые потники в сапогах, а я не далее как сегодня поменял носки.

– А вот вы и не правы! Почему вы думаете, что электричество не может ударить по другой причине?

– Виноват, майор, ошибся. Как-то мои библиографы подсчитали, что в своей жизни я обманулся всего четыре раза и один раз женщиной.

Холмс насторожился.

– Кто-то внизу звонит в наш офис? Кто может прийти сегодня?

Пронин взглянул на часы. Сказывалась профессиональная привычка отмечать время.

– Кажется, этот необъявленный визит очень даже кстати, возможно по поводу недавнего убийства редактора одного уважаемого, как у вас называют, толстого журнала.

– Да-да, я уже тоже ознакомлен с заключением судебно-медицинской экспертизы, которая гласит, что пространство между нижней частью теменной кости и верхней затылочной разможено зубилом.

– А вы не обратили внимания на фотографии? Характерная деталь: убитый, откинувшись, сидит в кресле на бок. И вот тут меня не покидает чувство неопределенности, что, несмотря на раздробленный череп с оставленным в нем зубилом, у редактора безмятежное выражение лица, словно он до самого последнего момента перед смертью инерционно принимал правила какой-то только ему известной приятной игры. – Не отличаясь набожностью, Холмс прочитал губами короткую молитву о спасении души раба божьего.

– Я этого не заметил, но что прибавляет к следствию такой малозаметный штрих? Хуже, что фиксатор не взял отпечатки пальцев и улики, кроме глубоко засевшего в голове зубила, никаких. И список посетителей неполный, секретарша в тот день отпросилась по личным делам.

– Есть улики или нет их, дело, майор, обещает быть интересным, и наша задача, моя, как частного детектива и ваша, как представителя российского уголовного розыска, повысить коэффициент полезного действия. Вы теперь, бывшие контрразведчики, тоже повернулись лицом к нуждам народа, а то все кругом мерещились для вас шпионы да резиденты иностранных разведок и до обычной уголовщины руки не доходили.

В комнату вошел молодой человек лет тридцати с небольшим, интеллигентного, немного куртуазного вида. Крупная голова и курчавые волосы. Брюнет, красавец. Шляпу он повесил на крючок. По тому, как он вошел, как вешал шляпу, его манеры отличала изысканность, а острый взгляд его необычайно сиреневых глаз выражал полное желание найти прочную истину.

– Глаузер, писатель, – представился он.

– Мы слушаем вас, молодой человек, чем можем быть полезны? – Холмс церемонно поклонился. – В этом доме можно быть до конца откровенным.

Речь Глаузера была взволнованной.

– Я знаю, что вы занимаетесь расследованием убийства редактора и мой долг помочь следствию. У меня есть неопровержимые доказательства – кто убийца. Понимаете, этот случай произвел на всех жуткое впечатление, и я все это время пытался найти разгадку случившемуся. И не могу отделаться от смутного чувства страха, неужели это сделал мой лучший друг? Это такой удар для меня! Лучший друг! Какой талантливый писатель! Возможно, эта дневниковая запись пролетит свет на загадочное преступление? – Глаузер вынул из дипломата листки.

– Так, чьи эти записки? – повертев их в руках, спросил Холмс.

– Я и говорю, моего лучшего друга, тоже писателя Александра Авлентьева.

– Поподробнее можно?

– Мы с убий... с Сашей Авлентьевым были дружны с детства, вместе ходили в одну группу детского сада, потом в один и тот же класс, далее выпускной вечер, литературный институт – отделение прозы. И после института были неразлучны, наши пути-дороги не разошлись, пересекаясь постоянно на творческой ниве... – Глаузер немного остановился. – Даже, смешно сказать, влюбились в одну и ту же смазливую девчонку.

Записки были поспешно написаны от руки, без подписи, адреса и даты, в две странички. Холмс стал читать вслух:

– “Я пришел к редактору со своей только что законченной повестью, в которой главная героиня, обласканная мною, то есть сиречь автором, и всеми возможными техническими средствами современной литературы, была славная и общительная девушка Ниночка. Повесть была с элементами автобиографии, поэтому писалась горячо, на одном дыхании, а все выстраданные чувства, которые испытывал к Ниночке, я направил, как прекрасные цветы, строго по ее адресу. Ниночка, тем не менее, металась между мной и аспирантом Глаузером (на самом деле больше всего на свете она любила мороженое). Я так натурально выписал образ, так полубил свою героиню Ниночку, что если бы некоторые истории имели со-слагательное наклонение, а художественные произведения оживали, я бы на ней непременно женился. Даже развелся, если бы был женат на другой, слово джентльмена, тем более мне было больно смотреть, как она тяжело переносила одиночество, не справляясь с большими порциями мороженого. Но, увы! Повесть кончалась тем, что каждый из нас троих дал обет безбрачия по возможности разрубить гордиев узел...”

По мере того, как редактор перелистывал рукопись, читая для быстроты по диагонали, на его лице все явственней проступала брезгливая усмешка.

– Свежо, но не реально! – сразу же осадил он меня. – Что за странная сепаратная сделка – ни вашим, ни нашим, каждый остался при своих интересах. А где традиционное разрастание конфликта, где столкновение сильных, на грани фола, характеров. Где, я спрашиваю, кровопускание, наконец. Решительный Отелло тебе бы не простил мягкотелости и малодушия! Ишь вы, воинствующие миролюбцы, такие сюсюкающиеся гусары из любовного треугольника, галантно презентующие друг другу любимых женщин.

Во мне проступал протест, но я не мог выбрать момент, чтобы возразить в таком стремительном потоке его красноречия. И все же я сумел вознести свой глас вопиющего в пустыне.

– Пожалуйста, пример! Какая реальность заставляет льва уживаться в клетке в обществе с лисицей, а кошку с мышкой?

– Чепуха, вздор, неудачный пример! – заносчиво возвысил голос редактор. – Введи еще одного льва или еще одну кошку, не кормите, и от такой равновесной идиллии останется кровавое место.

Редактор был весь боевая готовность доказать это своим вибрирующим дискантом, а я не мог вставить ни слова.

– Ты обязан держать читателя в напряжении, заставлять его думать, сопереживать, ставить себя на место

того или иного героя, из которых один отпетый, беспринципный двурушник, негодяй, скрывший свое неблагоприятное прошлое, что уже два раза женат и платит алименты. Другой, в противовес, честный и благородный холостяк, немного странноприимчивый псевдоискатель. Почему бездействует чаша весов? Почему у тебя герои в поступках на одно лицо? Почему они расшаркиваются ножками друг перед другом? Почему? Почему? Почему?

– Это легко объяснимо! – пытаюсь вклиниться в его эмоциональный поток. Но разве остановишь цунами.

Рушился необыкновенно сильный образ с таким трудом воспетой мной нестандартной Ниночки (на самом деле она преспокойно вышла замуж за другого и уехала в чужой город, чего я ей, не ответившей взаимностью, естественно, не мог простить, так как выходящий замуж литературный прототип терял для меня ореол привлекательности и для всех читателей тоже. Хотя я знаю, на такое мнение Ниночка совсем начихала).

– Не оправдывайся! Отнюдь! – устало сказал редактор, чтобы с новой силой обрушиться на меня. – Убери в финале третьего лишнего, убери, убери! Вложи в руки стилет так, чтобы мороз по коже. Этого требуют законы жанра.

Выбора не было, я уже знал, на что иду. Пусть будет так, как редактор хочет. А хочет он немного нимало: между мной и Ниночкой, между читателем и книгой не должно быть третьего.

– Да будет так! Пусть прольется кровь! – сказал я и подумал: “Да простит мне читатель минутную слабость!”

– Чудесно, чудесно! – сквозь бессознательные хрипы воскликнул редактор, когда большое четырехгранное рубило опустилось на его голову.

“Он так хотел”. Каюсь, я убрал этого третьего лишнего, выполнив предсмертную просьбу покойного”.

– Рукопись на экспертизу? – спросил майор Пронин, когда Шерлок Холмс закончил читать.

– Нет, не надо, я не сомневаюсь в подлинном авторстве.

– Тогда ничего не понимаю! Что все это значит? Вы хотите сказать, что... – Пронин не скрывал крайнего удивления.

– Да-да, не думаю, что это ловкая подделка.

– Но эти писатели – мастера мистификаций, Бог знает, что позволяют себе: постоянные экстравагантности, сумасшедшие изыски, соревнуются друг с другом в изящной словесности! Какая-то чушь, просто мистика!

– Никакой мистики! Не исключено, что Авлентьев и есть преступник.

– Нет ничего обманчивого, чем слишком очевидные факты, – не поверил Пронин.

– Есть один штрих не в его пользу. Убийца зашел сзади, и редактор позволил ему это сделать. В одном случае.

– В каком?

– Если редактор пальцем показывал на многочисленные несуразности в тексте.

Холмс обратился к посетителю:

– Вопросы к вам, господин Глаузер, как часто вы печатаетесь?

– Можно бы чаще, да у нас в России не отработана практика частных издателей, – угрюмо буркнул он.

– Вам нравится ваше занятие?

– По крайней мере, оно не позволяет мне расслабляться на всякие там глупости, связанные с бездельем.

– А вы не пробовали собирать марки?

– Мелко! Это претит моему занятию.

– Редкая преданность. Спасибо, что пришли, – Холмс на прощание пожал руку и вдруг, не отжимая еще пожатие, левой рукой резко поднес к глазам Глаузера разложенные веером фотографии. – А почему зубило, а не, предположим, молоток?

– Я не понимаю существа вопроса.

От профессионального взгляда Пронина тоже не ускользнуло скрытое замешательство писателя.

Через мгновение в руках Холмса блеснули наручники, ловко защелкнувшиеся на запястьях Глаузера.

– Майор Пронин, – Холмс сделал движение рукой, – это по вашей части. Можете арестовать писателя Глаузера по обвинению в убийстве редактора.

– Какое еще убийство, вы ответите за оскорбление! – возмутился Глаузер, когда его уводили.

– А это вы уже расскажете в другом месте.

– У меня алиби!

– Конечно, алиби! Еще бы, умный преступник всегда подготовит тысячу алиби, а умный следователь разобьет их в пух и прах.

– Вопрос! – взмолился майор Пронин. – Как вам удалось узнать, что под личиной писателя Глаузера скрывается убийца?

– Можно было бы говорить о дедукции, о которой я всем не устаю повторять. – Шерлок удобно вытянулся в кресле. – Вам не показалось странным, что он слишком откровенен и принял нас за добрых самаритян?

– Именно такое впечатление у меня сложилось тоже. Но допустим, что это просто человек со слишком длинным языком, как и вся писательская братия?

– Превосходная мысль, но есть одна особенность. Когда мы пожимали руки, он дрогнул, увидев фотографии, на которых не хватало только одной немаловажной детали.

– Какой?

– Неужели не догадываетесь?

– Нет.

– Самого преступника.

– Гм... – только и произнес Пронин на неожиданную мысль.

– Рукопожатие – это хороший детектор лжи даже для начинающего экстрасенса. А если проще, Авлентьев и Глаузер оба писатели. Так?

– Ну и?..

– А, как известно, писателю, чтобы пристроить свои произведения, приходится проходить массу унижений перед редактором. Не каждый это выдерживает психологически.

– Но Авлентьев устойчив, оптимист по натуре, любовью графолог подтвердит. Стремительный, округлый почерк указывает на легкий, общительный характер.

– Тем не менее, майор, у него отношения с редактором, как любой из нас заметил, натянуты, и он стал разрабатывать идею убийства, но не дальше и не больше,

чем, претворив ее в замысел всего лишь рассказа. Вдумайтесь, это не записки мемуарного или дневникового характера, как хотел представить Глаузер, а чистой воды стандартный рассказ.

– Мне даже показалось, что это маленький литературный шедевр на биографическом материале. Завязка, фабула, неожиданный конец – все присутствует.

– Вы правы. Только до конца еще недоработанный, так как действующие лица остаются пока не с вымышленными, а с настоящими именами. Так писателю легче вжиться в сюжет, чтобы не упустить мельчайшие детали. Как ближайший друг, Глаузер имел возможность посвящаться в творческие замыслы Авлентьева, так сказать, из первых рук, хотя в этот момент между ними уже пробежала черная кошка в виде проходящей центральной красной нитью вышеупомянутой Ниночки. Дружба для них уже так – относительное джентльменское статус-кво. И что делает человек с большим самолюбием, помноженным на огромное, удесятенное честолюбие, до этого вынашивающий тщеславные планы о своем “льве толстовстве” и вдруг прочитавший такой рассказ? Заметьте, удача – если это можно назвать удачей – сама идет навстречу мрачной личности, замкнувшейся в собственной скорлупе. Эти листки – благоприятное стечение обстоятельств, чтобы опорочить друга...

Пронин уже не удивлялся.

– Расчетливый и циничный Глаузер убивает сразу двух зайцев: избавляется от нежелательного конкурента в писательстве и в неразделенной любви.

– Нет, даже – трех: от несговорчивого редактора, которого не мог пройти по причине своей бездарности.

– И который видимо его предупредил: только через мой труп, понятое Глаузером буквально, – добавил Пронин.

– Как бы вы поступили в таком случае, майор, в меру своей болезненной маниакальности?

– Гм...

– И я тоже, – добавил Холмс, увидев нерешительность на лице Пронина.

– Надвигалось что-то неизбежное, – снова продолжил логическую цепь рассуждений Холмс, – и вряд ли можно было в этой ситуации что-либо изменить. Разыгрывался последний акт трагедии, что, в конечном счете, и произошло. И вот хладнокровное, жестокое по циничности убийство. Как честный человек, что должен был сделать Глаузер, получив в руки такой обличительный по силе документ?

– В любом случае принести его нам.

– Что он и делает, чтобы запутать следствие еще больше.

Майору стало все понятно.

– Расчет правильный, теперь милиция не будет искать следы, так как улики против Авлентьева налицо.

– И все же Глаузер просчитался. Превратное понимание дружбы! Майор, вы бы пошли доносить на друга?

– Гм...

– И я тоже! – сказал Холмс, увидев неразрешимый вопрос на лице Пронина.

КАК ПИШУТСЯ РАССКАЗЫ

Одного известного писателя однажды спросили: как вы пишете рассказы?

– Очень просто, – ответил он, – сначала я придумываю название, потом пишу первую строчку, затем добавляю вторую и так до последней. В конце рассказа ставлю подпись.

Такая непритязательность секретов из его творческой лаборатории окончательно подкупила, и я тоже решил писать рассказы, передоверив себя опыту маститого мастера. Вооружился писчебумажными принадлежностями. Теперь вперед быстрее окунуться в творческую обстановку. Нужны голые стены, чтобы ничто не отвлекало. Я снял со стен ковры, картины, фотографии и свалил все в кладовку.

Приготовил крепкий кофе, как Бальзак. Поставил ноги в таз с холодной водой, как Шиллер.

Стоп! О нем сказывают еще, будто сочинять стихи ему помогал запах гнилых яблок! Я сбегал в магазин и купил таких полную авоську. Обложился телефонным справочником, чтобы подбирать фамилии своих героев. И приступил.

Начал с того, с чего легче начинать, – в конце поставил свою подпись.

Но призадумался: а если рассказ будет короче, то и подпись должна быть ближе. Пришлось передвинуть ее немного выше.

А если получится, не сомневаюсь, прекрасная миниатюра, ясная и прозрачная, как первородная слеза Афродиты, то подписи самый раз вот на этом месте. И я в ответственность за качество расписался еще выше.

Но у писателя гонорар от объема – нехорошо себя обделять. Я широкой натурой решительно опустил подпись ниже.

А достаточно ли объема, подумал я, чтобы писательская братия меня открыла и напутствовала: “Большому кораблю – большое плавание!” Вдохновенны стихи Пушкина “Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил”! На своего Державина я поставил подпись в приличествующее для нее место – далеко в глубине листа.

Для критиков любое большое произведение выглядит как маленькое, они подумают, что я исписался, мол, у автора творческий кризис, и обязательно живьем съедят. И я расписался в своей нестигаемой воле не давать им повода, а себя в обиду – только ниже, насколько позволяла страница.

Но читательская общественность, загипнотизированная в наркотическом упоении моим ярким образным слогом, отточенностью слов, законченностью фраз определенно на дыбы встанет и забросает предложениями написать продолжение. Надо уважить публику – я прибавил еще пару листков.

Да-а, и как это забыть о пресловутые редакторские ножницы? Я чуть не заплакал от несправедливости. Редактор обязательно урежет рассказ наполовину, так покоцает его, что я стану евнухом. И я нашел новое место для подписи – конечно ниже... еще на три листа.

А если будет хвалебная рецензия: “какая глыба, какой матерый человечище!” И рецензия окажется больше моего рассказа? Стыдно как-то. Я уже приготовился к любой неожиданности и начертал подпись совсем низко... прибавив еще четыре страницы. Зачем, спрашивается, скромничать – назвался писателем, так пиши: много, зримо, емко, хлестко. Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно, чтобы открылись удивительные богатства русского языка – его гибкость, сочность, объемность.

А что писать? Столько соблазнительных тем – голова кругом идет, не знаешь за какую взяться. Сумбур. Не рождается строчка. Я скомкал бумагу и бросил в форточку.

А как же рассказ? Мне были безразличны судьбы литературы, ее пути и искания. Подождет. До завтра. Завтра пренебреженно напишу, твердо решил я. Обещаю! Утро вечера мудренее.

На глаза попалось интервью знаменитого писателя, которого спрашивали: как он пишет романы?

– Очень просто, – ответил он, – сначала я заключаю с издательством договор, получаю аванс, а уже через месяц-другой начинают печататься первые главы.

Я пошел в издательство получать аванс.

ДОМОЙ Я БЕГОМ

Знаете бессмертную сказку Пушкина о честолюбивой старухе и ее разбитом корыте? Так это без всякой натяжки про мою жену Серафиму, пребывавшую у меня на посылках, написано, еще раз подтверждая, что женщины непредсказуемы и неисправимы в своей природе, в глубоко спрятанных генах, в веках и поколениях.

– Ты знаешь, Костик, – начала она доверительный разговор, – сейчас во всех сферах нашей жизни идет перестройка... новая кадровая политика. Каждый очередной день приносит перестановки и перемещения, одним словом – кругом ротации и перетурбации. Ждать, что снова появится золотая рыбка, не приходится. Сегодня золотая

рыбка не в цене – серебристый хек в моде. Теперь я сама буду вольна поступать, как хочу, исходя из сегодняшнего, определяющего и опережающего момента. Хватит, напередоверялась тебе – дурачине и простофиле! Завтра пойду и выдвину свою кандидатуру на вакантное место начальника группы.

А под конец завертелась она у зеркала и убила меня своей пушкинской воркотней.

– Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее!

– Всех не скромней и глупее! – передразнил я ее.

Она надула губы.

– Ты еще вспомнишь наш разговор.

Я вдруг тоже перешел на пушкинский слог.

– Что, не хочешь быть черною крестьянкой, а хочешь быть столбовой дворянкой? Не получится! Другое дело, если б ты была всех реальней, всех толковей и умнее. Ведь ценят человека за деловые качества.

– Да у меня количество качества, ей-ей! – не успокаивается она.

Вижу, не удержать мне ее, никак белены объелась, не выбить из головы дурь. А работаем-то вместе, в одной группе. И вот, ну надо же, она в новой для себя должности.

– За вас что, Пушкин работать будет? – огульно подгоняет она всех.

А мне лично говорит:

– Я, Шиншилов, тебя премии лишу, не посмотрю, что мы с тобой муж и жена, ей-ей! Мелкий ты, оказывается, человек на работе и низкий в быту – без характера и инициативы.

Еще пуще она вздурилась:

– Брошу я тебя, Шиншилов, ей-ей, завтра же... на картошку!

Началась кампания по переизбранию на должность уже начальника лаборатории. И снова она выдвигает свою кандидатуру. И впрямь, прошла по конкурсу! Только теперь и слышно на работе от нее:

– Перестройка! Перестройка! Голову оторву, шкуру спущу, душу вытрясу, шею намылю, ваши никчемные черепашки на орехи расщелушу!

А меня, родного-то мужа, донельзя распекает:

– В конец очереди на квартиру поставлю, семейной путевки лишу, отпуск на зиму перенесу! Ей-ей!

Начались новые реорганизации и передвижки.

– Шиншилову к начальству! – глашатаи кричат.

Глянь, моя опять за новое место зацепилась какого-то генерального директора.

– Признавайся, всех я краше, обойди все царство наше! – красуется она передо мной, как перед зеркалом.

И опять пуще прежнего распалилась:

– С работы сокращу, – кричит, – уволю без выходного пособия, ей-ей!

А мне, признаюсь, ни возразить – ни выразить. Извините, что перешел на пушкинский слог, но вокруг ее стоит грозная стража из замов, боюсь, как бы взашей меня не затолкали!

Только дома я перевожу дух. Дома я ротации устанавливаю, дома я начальник над Серафимой – ее щупальца до меня не дотягиваются. Мой дом – моя крепость! Дома я сам кому угодно голову оторву, шкуру спущу, душу вытрясу, шею намылю, никчемные черепашки на орехи расщелушу, невзирая на лица!

Домой я бегом. А там сидит моя ненаглядная, скромно притихшая жена, а перед нею ворох нестиранного белья.

– Слышал новость, сняли нашего министра, – задумчиво глянула она мимо меня.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

К известному своей безапелляционностью редактору литературно-художественного журнала “Нирвана” Бобышко пришел не менее известный писатель Смоленский Агрипп Графович. Первый был продолжателем жестких от знаменитых предшественников традиций, второй происхождением своим был из той великолепной плеяды интеллигентов, которую в незапамятные времена вырубали, но не уничтожили до конца, корни проросли и дали прекрасные всходы.

Силы были примерно равны. “Кто победит, защита или нападение?” – в нетерпении задался бы вопросом спортивный комментатор и ответил бы: “Если не дружба, то победит сильнейший!”

Бобышко приветствие начал со стихов, нерядовых, неординарных. Это был его характерный стиль работы, высокий штиль, его обыкновение, его маленькая слабость перед схваткой с автором врезать тому между глаз обязательными строками какого-нибудь классика.

Вот и сегодня он прочитал:

**– Ты созидаешь сам себя и лепишь,
И никому невидимым режцом
Ты форму от бесформенности лечишь,
И сам себе приходишься творцом.**

Стихи по обстоятельствам менялись, но любой автор после приведенного шедевра сникал, и инициатива давить и качать права резко переходила к редактору.

Смоленский уже поддался влиянию Бобышко и, вытерев вспотевший лоб, протянул папку.

– Вот труд моих последних лет.

“Нелегкая тебя принесла!” – подумал редактор, в овражках глаз которого блуждала усталость от аллергии на плохие рукописи. Он панически боялся посредственных писателей. Но, собравшись, сказал:

– Хорошо, показывай, удивляй, радуй! Что там у тебя: рассказ, повесть, роман, а может и того грандиознее – эпопея?

С первых же строчек взорвался:

– Помилуй! Это как прикажешь понимать? Вот ты, приступив к основной идее своего романа, решил драматизировать его известной фразой:

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ ОБЛОНСКИХ

Но это же заведомый штамп... чтобы чужими средствами... Кто дал тебе право? Ты бы еще начал с другой знаменитой фразы Льва Толстого, подходящей к любой книге: “Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему”.

– Ну почему штамп? – искренне усомнился автор. – Это своего рода литературное вступление, сродни телевизионной заставке или рекламному ролику, как звук петарды в абсолютной тишине, как птичка, вылетевшая из фотоаппарата, как... Надо, чтобы читатель вошел в парадную дверь произведения, но и вышел не через черный ход.

Бобышко постоянно во сне снится дискомфорт от затертых, стоптанных от длительного ношения башмаков, поэтому бросил:

– А потому штамп, что эта фраза встречается мне по несколько раз на дню. Известны уникальные случаи, когда она фигурировала, нонсенс, по три раза в одном произведении. Злоупотребляют все, кому не лень. И молодые, и маститые авторы. Камнями она у меня отложилась – вот здесь, в почках! Нет, Смоленский, или откажись от нее, или перейди на другую малознакомую фразу. В крайнем случае, поменяй в ней что-нибудь. Умный не заметит, редактор не поймет! Например:

МОЛИЛИСЬ ЛИ В ДОМЕ ОБЛОНСКИХ ?

Чувствуешь, какой она несет подтекст великого времени и, безусловно, смысловую нагрузку, но уже в ином аспекте, в другой инновационной интерпретации. Читателя сразу заинтригует, как молился князь Стива Облонский, начальник одного из присутственных мест? Истоиво или с напускной набожностью в промежутках между любовными похождениями. Или там какая дворовая девка Паранька в испуге осеяла себя крестным знаменем: “Свят, Свят, Свят!”

И вообще, где в романе страсти-мордасти? Мне не совсем нравится, что действие происходит в частном доме, чинно и неторопливо, не учитывая фактор неожиданности, фактор времени. Перенеси время действия, я советую, в ночь. Самые жуткие события в истории человечества, как ты знаешь, происходили ночью. Вспомни Варфоломеевскую ночь или “Ночь перед Рождеством” у Гоголя. Сама ночь способствует к нагнетанию тревоги. Правда, что могло случиться в доме Облонских ночью? Разве что рождение нового князя или княжны...

Смоленский не удержался от подобострастной улыбки.

– Интересная мысль. Добавлю, у какой-нибудь сумасбродной девки из дворовой челяди или нестойкой перед соблазнами сентиментальной гувернантки!

Бобышко не стал отвлекаться на неожиданно представившуюся паузу.

– Я думаю, если немного подкорректировать, в новом варианте фраза должна принять следующий вид:

МОЛИЛИСЬ ЛИ НА НОЧЬ ОБЛОНСКИЕ ?

Тут он наморщил лоб, опустив ниже и так уже карнизо-надвинутые над глазами брови.

– Да, применительно к нашему атеистическому времени эта фраза вызовет смех, в лучшем случае недоумение. Не кажется, что она перегружена?..

– Этими... Облонскими!? – неуверенно подсказал автор.

– Именно. Надо заменить, как бы осовременить, что ли фамилию. Где сейчас найдешь Облонских, Навварских, Савойских? Только в паноптикуме. Да и не до ассоциаций к ним сегодня. Лучше заменить на ничего незначащее, нейтральное имя, предпочтительно женское. Представь себе, ничем непримечательная девушка, а сколько коллизий таит в себе ее мнимая простота? Писателей не хватит сопоставить, осмыслить и описать. А ты воспользуйся правом автора рочерком пера решать судьбу героини: на эшафот ли ее или к герою в постель подложить, тем более, что она, хе-хе, лишена права вето, такова испокон веков женская доля. И покруче с ней, пожестче, без жалости и сочувствия, с цацками и необязательности. Только не переключайся с известными классическими образцами, не делай из нее новую Анну Каренину.

Вот слушай, как фраза зазвучит в законченном виде, как я ее мыслю и представляю:

МОЛИЛАСЬ ЛИ ТЫ НА НОЧЬ, ДЕЗДЕМОНА ?

Бобышко весело подмигнул.

– Ну как? Свежо, оригинально и неповторимо!

На прощанье, как это было всегда в его обыкновении, он процитировал другие стихи:

*– Твори и впредь, верши заботу эту.
Повержен ты, печаль твоя темна,
Но, побежденный, ты вкусил победу
Над тенью мышц, над скудностью ума!*

Обескураженный и полинявший Смоленский стоял перед редактором в скорбном почтении.

ПОВЕСТЬ О ПОЭТЕ ИМБИРКИНЕ

Если человеку на роду написано быть поэтом, а он предпочел подрабатывать мясником, значит, он на мясокомбинате изучает части тела, чтобы еще вдохновеннее писать о ланитах, персях, чреслах. Поэт Имбиркин работал профессиональным забойщиком скота.

Кредо поэта Имбиркина: “не растекаться мыслию по древу”.

Поэт Имбиркин не закончил одну главу из сентиментального романа в стихах, как уже приступил к другой.

Если бы поэты за каждое новое стихотворение подвергались жестокому мордобитию, было бы меньше матерей-одиночек и абортот.

Ослы не пишут стихи. Они не переносят аплодисменты и брызги шампанского.

Поэты делят женщин на чувствительных девушек и бесчувственных старух. С годами у поэтов приоритеты меняются, и бесчувственные старухи превращаются в чувствительных девушек.

Если поэт в ужасе проснулся среди ночи, ему пришли на ум гениальные стихи, которые жена не должна слышать.

Чтобы прекратить гнусное суесловие, на проливной дождь поношений и критики поэт Имбиркин огрызнулся новыми стихами.

Смерть для поэта всегда сладка и упоительна. Поэт Имбиркин всеми силами противился умереть на груди своей жены.

Поэт Имбиркин делил историю своего вдохновения на эпоху Возрождения и эпоху Возбуждения.

Если в какой-то момент судьба явила поэту Имбиркину свой благосклонный человеческий лик, ждите новые стихи о любви.

Поэту Имбиркину лучше всего давалась теория множеств. В любое время дня и ночи он мог вспомнить всех своих жен.

Если бы вышел закон, разрешающий менять жену через год, поэта Имбиркина он бы застал врасплох.

Если стихи не отвечают требованиям элементарного стихосложения, значит, поэт Имбиркин резко понизил свой рейтинг... у женщин.

Угадывать тайные желания своих повелительниц – вот мудрость жизни! Так считал поэт Имбиркин.

С губ исчезло всякое подобие улыбки, щеки побледнели, в глазах потухли веселые искры, глубокие морщины избородили лоб. Утреннее возвращение домой имело побочный эффект для поэта Имбиркина.

К вечеру, когда вдохновение играет в творческом изломе, а воображение рисует причудливые сюжеты новых встреч, поэт Имбиркин неожиданно для себя решил провести ночь в гордом одиночестве с Музой.

Поэт Имбиркин смотрел в одну точку. Точка выросла и оказалась грубым мужиком с кулаками.

Требовать, чтобы поэт бросил писать стихи, это всё равно, что заставить его отказаться от своего образа жизни. Тем не менее, поэт Имбиркин поменял образ жизни – свою жену на жену поэта Ковригина.

Несчастный облик придавал поэту Имбиркину характер последней бурной ночи. “Боже! – думал он. – Убереги меня от женщин, а от жены я и сам избавлюсь”.

Поэт Имбиркин вынес из своих наблюдений впечатления: Если мужчина почувствовал себя на седьмом месяце беременности, преждевременные роды ему не грозят. Если на девятом – самое время проснуться.

Никогда не следует полагаться на слухи о себе, даже если они не лишены основания.

Из дневника поэта Имбиркина: “Присутствовал при родах. Подал стакан воды. Ребенок оказался не мой, а поэта Ковригина”.

Поэт Имбиркин внес свой вклад в педагогику, предложил вопросы для усвоения материала по сказке “Репка”:

1. Как матерился дедка?
2. Отчего сорвала пуп бабка?
3. Почему преждевременно родила внучка?
4. За какую провинность попала на живодерню Жучка?
5. Почему с тех пор кошки не любят репку, а предпочитают валерьянку?
6. Какой сильнодействующий допинг применила мышка?

Сергей РУЛЕВ

ТОЧКА В РАССКАЗЕ

ногти на руках, но дело не двигалось с места. Я уже приготовился перейти на ногти пальцев ног, когда в мою комнату вошли трое.

Вот так – просто взяли и вошли. Без стука и всего такого прочего. Я даже и не сразу сообразил, что перед тем, как войти в мою комнату, им еще нужно было пройти и через входную дверь.

От вида этих троих, солидных, одетых в черное ре-бят, мысли в моей голове сначала пропали совсем, потом вдруг забегали так быстро, как они у меня давно уже не бегали. Под взглядами этих молодцов я почувствовал себя неудобно, а они, похоже, наоборот, чувствовали себя, как рыбы в воде, будто это они, а не я, находились в своей квартире.

Я остолбенело тарачился на них, пока они спокойно разглядывали меня. Немая сцена начала затяги-

Я никак не мог поставить точку. У меня обычно бывает наоборот: точку поставить просто, зато начать сложно. На этот же раз я никак не мог закончить свой рассказ так, как хотел. Почему-то в голову никак не хотело придумать то самое последнее емкое предложение, которое отвечает за целостность всей литературной композиции. Я выкурил полпачки сигарет и сгрыз все

ваться, и я прочистил горло, чтобы нарушить неприятную тишину.

– Гхм, гхм...

Один из троих решил ответить на мое приветствие.

– Шереметьев Сергей Юрьевич?

– Да, я, – прорезался у меня голос.

– Писатель? – Уточнил самый разговорчивый из вошедших.

– Стараюсь, – остроумно, причем неожиданно даже для самого себя, ответил я.

Тот, кто выспрашивал, кивнул остальным. Недобро так, надо заметить, кивнул. В голове почему-то промелькнула мысль об очередном государственном перевороте. Но меня брат, вроде бы, не за что: ничего политического я никогда не писал.

Пока я думал, разговорчивый снова обратился ко мне:

– Мы пришли предложить вам сменить профессию.

– Сменить, простите, что?

– Профессию. Вашу писательскую профессию, – терпеливо пояснили мне.

Тут я немного обиделся.

– А на каком, так сказать, основании вы мне это предлагаете?

– Основание у нас довольно основательное, – улыбнувшись, сказал разговорчивый. Я по достоинству оценил его каламбур и тоже улыбнулся.

– Может быть..., – я слегка замешкался, боясь попасть впросак с тем, как их назвать, – Может быть, господа, вы мне все же представитесь и толково объясните цель вашего, гхм, визита.

Мои гости переглянулись, одновременно кивнули головами и расселись кто куда, хотя, следует заметить, сидячих мест в моей комнате немного – всего одно.

Усевшись, они начали рассказ, точнее, начал тот, кто говорил и раньше. Насчет остальных у меня возникло подозрение, что они вообще немые.

– Наши имена вам ничего не скажут, к тому же они будут очень непривычны для вашего слуха, поэтому мы не будем их называть. Переговоры с вами уполномочен проводить я, так что вам придется обращаться только ко мне, а для этого достаточно простого местоимения "вы".

Прямо не говорит, а вяжет! Меня это как писателя немного задело, но я постарался не подать вида.

– Мы договорились?

Я нехотя кивнул головой.

– Теперь постарайтесь кое-что принять на веру. Вселенная состоит из множества миров, которые ваши ученые называют параллельными. Так вот: мы из одного такого мира.

Мой взгляд, брошенный на него, был красноречивее любых слов, но он, кажется, этого не заметил.

– Наши ученые долгое время бились над проблемой исчезновения некоторых соседних миров, и, наконец, они ее решили. В гибели миров виноваты вы, – и он самым некультурным образом ткнул в меня пальцем, – земные писатели.

Его взгляд горел обличающим огнем, а я думал, сколько в этом пламени искр сумасшествия. То, что мои

посетители явно сбежали из дома с желтыми стенами, не вызвало у меня абсолютно никаких сомнений. Я не знал только одного: что с ними делать. Одного я, может быть, еще бы попытался утихомирить, но вот троих... В общем, я решил временно подыгрывать им, чтобы они, не дай Бог, не впали в буйство. А потом что-нибудь придумается.

– Так значит, говорите, вы из параллельного мира?

Разговорчивый посмотрел на меня так, словно я сам удрал из психушки, и терпеливо пояснил:

– Вообще-то это называется по другому, но вы называете соседствующие в пространственно-временном континууме миры именно так.

– Я понял, с как можно более умным видом сказал я, – Только объясните мне, пожалуйста, в чем конкретно вы меня обвиняете.

– Не только вас, но и всех остальных земных писателей, – уточнил разговорчивый, – Во всем многообразии параллельных миров, кроме вашего, нет такой профессии – писатель. Везде принято заниматься более полезными вещами.

– Простите..., – взъерошился я, но разговорчивый жестом остановил меня.

– Не будем спорить. Я всего лишь высказываю мнение всего разумного населения бесконечной Вселенной. Так вот, суть вопроса состоит в том, что если писатель пишет книгу, то у вас считается, что он создает мир, пусть выдуманный, но все же – мир. На самом же деле он этот мир уничтожает в реальном пространстве – времени. Наши ученые только недавно поняли это, но время не ждет, и мы вынуждены срочно принять решительные меры. Или в вашем мире исчезнут писатели, или исчезнут многие реальные миры. Другой альтернативы тут нет. Учтите: сейчас мы просим, но мы ведь можем и заставить.

Во заливает! Да у этого шизика не голова, а склад оригинальных идей!

– А если я все-таки откажусь последовать вашему совету?

– Я уже говорил, что мы можем и заставить, а это будет для вас очень неприятно.

Испытывать на себе реальность этой угрозы мне не хотелось, по крайней мере, в данный момент. Поэтому я только развел руками и сказал:

– Ну что ж, вы меня убедили. Какие мне нужно дать вам гарантии?

Разговорчивый улыбнулся.

– Никаких. Мы просто будем держать вас под контролем.

– И вы просто так уйдете? – Я был все же несколько удивлен таким поворотом дела и где-то в глубине души даже немного разочарован.

– Просто уйдем, – сказал разговорчивый.

Не успел я открыть рот, как они растаяли. Просто взяли и исчезли. Растворились в воздухе.

За сигаретой я решил, что такая история мне не очень нравится. Поэтому взял и записал ее, чтобы тот параллельный мир, в котором эта история может произойти, попросту исчез.

ПЕРСОНАЛИИ

ВОЛОДАРСКИЙ НИКОЛАЙ АБРАМОВИЧ (1914 — 1992 гг.). Член Союза писателей СССР. Родился на Украине в Кировограде. Подвергшись репрессии, попал на север, в Ухту, где прожил более полувека и здесь же похоронен. Учился в Литературном институте им. Горького. Один из колоритнейших ухтинских и республиканских поэтов. Автор десяти поэтических сборников. Много лет руководил литературным объединением города.

ПАШНЕВ АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Член Союза писателей России. Родился в 1952 году в Белгороде. Окончил Белгородский индустриальный техникум и Ленинградский электротехнический институт связи имени М.А. Бонч-Бруевича. Публиковался в журналах “Советский воин”, “Север”, в газете “Литературная Россия”, в альманахе “Белый бор” (2-й выпуск), в коллективных сборниках “Диалог под звездами”, “Отражение”. Автор двух сборников стихов “Лирика” и “Возвращение”. В 1995 году за первый сборник стихов “Лирика” общественной организацией “Русский дом” присуждена первая литературная премия имени С. Есенина. Живет и работает в Ухте с 1974 года.

ИЛЛАРИОНОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ. Член Союза писателей России. Родился в 1952 году на ст. Ираель Сосногорского района, где живет и по сегодняшний день. Работает дефектоскопистом дистанции пути в Сосногорском отделении Северной железной дороги. Публиковался в альманахе “Белый бор” (1-й и 2-й выпуск), в коллективных сборниках “Северный автограф”, “Диалог под звездами”, “Отражение”. Автор поэтических сборников “Одиночество”, “Маленькая станция”.

ТЕРНОВСКИЙ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1930 году в г. Москве. После окончания Московского геологоразведочного института приехал на север и обосновался в Ухте. Публиковался в журналах “Нева”, “Север” и “Ухта литературная”, в альманахах и коллективных сборниках: “Переключка”, “Радуга свершений”, “Гамма”, “Северный автограф”, “Отражение”. Автор книжки стихов “Неудобная земля”. Несколько лет руководил литературным объединением. Заместитель редактора журнала “Ухта литературная”. В Республике Коми и в Ухте с 1954 года.

КОРЮГИН ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ родился в 1948 году в деревне Варнаки Нолинского района Кировской области. Окончил Исовский геологоразведочный техникум и Ухтинский индустриальный институт. Геофизик. Публиковался в журнале “Ухта литературная”, в коллективном сборнике “Отражение”. Автор поэтического сборника “Час прозрения”. В настоящее время председатель литературного объединения. В Ухте с 1971 года.

МАКСИМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ родился в 1956 году в Свердловске. Образование среднее. Работает телемастером. Печатался с большой подборкой стихов в журнале “Ухта литературная”. В Ухте с 1960 года.

БОТВИННИК ГРИГОРИЙ ЗИНОВЬЕВИЧ родился в 1935 году в городе Ереване. Профессия — музыкант, работник культуры. На севере с 1964 года, столько же лет в Ухте. Стихи публиковались в коллективном сборнике “Отражение”. Автор совместного с Геннадием Ивановым поэтического сборника “Листья памяти”.

СОЛОГУБ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА родилась в г. Тейково Ивановской области. Окончила филологический факультет Ивановского государственного университета. Педагог, журналист. Публиковалась

в альманахе “Белый бор” (1-й и 2-й выпуск), в коллективном сборнике “Отражение”. Автор поэтических сборников “Неверных нот чередование” и “Тропинка у обочины дороги”. В Ухте с 1982 года.

ЖУКОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ родился в 1920 году в селе Кадом Рязанской области. Много лет проработал в СМУ-4 треста “Жилстрой”. Публиковался в коллективном сборнике “Отражение”. Автор поэтического сборника “Через сердце свое”. В Ухте с 1950 года.

КУТЕПОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА родилась в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончила Сыктывкарский педагогический институт, филолог. Работает собкором “Панорамы Республики” ГТРК “Коми гор”. Автор поэтического сборника “Лада милая, мой бажонный...”. В Ухте с 1995 года.

АНШУКОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ родился в 1952 году в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Преподает в горно-нефтяном техникуме. Публиковался в коллективном сборнике “Отражение”. Автор поэтического сборника “Стремление к бесконечности”. В Ухте с 1979 года.

ФОМЕНКО НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА родилась на Дальнем Востоке в г. Хабаровске. Окончила Ухтинский индустриальный институт. Работает в “Печорнипинефть”. Публиковалась в альманахе “Белый бор” (2-й выпуск), в коллективном сборнике “Отражение”. В Ухте с 1973 года.

ПЕХТЕРЕВ ИВАН ЕГОРОВИЧ родился в 1938 году. В 1960 г. окончил факультет журналистики Минского государственного университета. Сразу же приехал в Ухту. Работал редактором Ухтинской студии телевидения. Стихи публиковались в коллективных сборниках “В краю таежном” и “Перекличка”. Автор поэтического сборника “Лебеди летят на север” (1970 г.). В городе и в республике известен также как автор песенных текстов. На его стихи написаны песни “Мамины глаза”, “Речка-реченька”, “Есть такая планета Вуктыл”, “Аленушка” и др.

КАНЕВА НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА родилась в г. Мураши Кировской области. Окончила Ухтинский лесотехнический техникум. Работает бухгалтером в профкоме “Коминеттегеофизика”. Автор поэтического сборника “Люби, не требуя ответа”. В Ухте с 1967 года.

МИРОНОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ родился в 1951 году в г. Тракае Литовской ССР. Окончил Харьковский юридический институт. Работает адвокатом в городской юридической консультации. Печатался в местной печати. В Ухте с 1958 года.

МИЛЬКОВ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ родился в 1946 году в г. Ухте, в котором проживает по сегодняшний день. Окончил Ухтинский индустриальный институт. Внедрял новую технику в “Ухтанефтегазгеология”, сейчас работает прибористом на УНПЗ. Неоднократно печатался в журнале “Ухта литературная”. Автор книжки научной фантастики “14 тигров и 6 шакалов”. Председатель УКЛФ (Ухтинский клуб любителей фантастики) под таким же названием “14 тигров и 6 шакалов”. Редактор журнала “Ухта литературная”.

РУЛЕВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ родился в 1973 году в г. Саратове. Незаконченное высшее образование. Работал топографом, а сейчас слесарем по ремонту бытовой техники. Печатался в местной печати. Автор книжки научной фантастики “Такси”. Зампредседателя УКЛФ “14 тигров и 6 шакалов”. В Ухте с 1975 года.

1999 г. – 200-летие А. С. Пушкина

* * *

Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела;
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда!

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила,
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушная дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.

Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как на небе толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с нею обитала,
И божественно б сияла
Родословная твоя.

ПРОЗАИК И ПОЭТ.

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

А.С. Пушкин

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Николай ВОЛОДАРСКИЙ	2
Анатолий ПАШНЕВ	7
Анатолий ИЛЛАРИОНОВ	7
Игорь ТЕРНОВСКИЙ	9
Павел КОРЮГИН	13
Александр МАКСИМОВ	16
Григорий БОТВИННИК	19
Галина СОЛОГУБ	20
Николай ЖУКОВ	21
Ирина КУТЕПОВА	21
Владимир АНШУКОВ	22
Наталья ФОМЕНКО	22
Иван ПЕХТЕРЕВ	23
Надежда КАНЕВА	23
Владимир МИРОНОВ	24

Проза

Алексей МИЛЬКОВ		
<i>Ужасная планета</i>	(НФ рассказ)	25
<i>Убери третьего лишнего</i>	(НФ рассказ)	29
<i>Как пишутся рассказы</i>	(юмор. рассказ)	32
<i>Домой я бегом</i>	(юмор. рассказ)	32
<i>Муки творчества</i>	(юмор. рассказ)	33
<i>Повесть о поэте Имбиркине</i>	(юмор. рассказ)	34
Сергей РУЛЕВ		
<i>Точка в рассказе</i>	(НФ рассказ)	35
ПЕРСОНАЛИИ		37

Литературно-критический журнал "Ухта литературная"

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	1-74-91
Игорь Терновский		6-12-46
Павел Корюгин		1-07-82

Номер журнала издан при содействии ОАО
"Северные магистральные нефтепроводы"
Генеральный директор **КОРОТКОВ В. П.**

Набор и верстка компьютерные. Печать офсетная. Тираж 500.
Муниципальное предприятие "Ухтинская типография".
169400, Республика Коми, г. Ухта, ул. Губкина, 24.